

НЕ ПОДАГЬСЯ

K-789-2.6.

Ⅶ.793

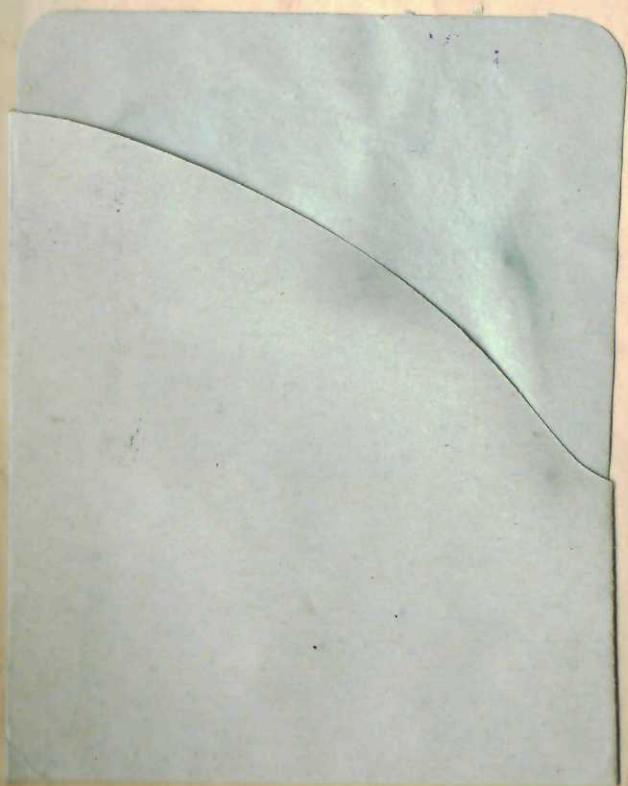
V.N. Karazin Kharkiv National University

00363529

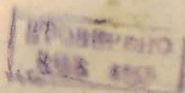
8

100
100
100

K
H. g. n. k.

mer

281
142
280
141

41

К-789-28.

VII - 793

ГНѢВЪ БОЖІЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

І. КРАШЕВСКАГО.

466329

СЗМ

VII-793

- 1775

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашевъ и Ко, Фонтанка 95.

1899.

8

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Октября 1899 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^оа. Фонгакка 9б.

Часть первая.

I.

Въ царствованіе Владислава IV^е единокровный братъ короля, князь Карлъ Фердинандъ, епископъ Вроцлавскій, занималъ въ стѣнахъ замка только-что построенное лѣвое крыло, которое ему уступили вмѣстѣ съ частью сада до самой Вислы.

Тутъ помѣщался онъ со своимъ скуднымъ дворомъ, какъ въ монастырѣ, запираясь въ этомъ зданіи и садикѣ, за которыми онъ такъ любилъ ухаживать. Это была единственная часть замка, въ которой почти никогда не была нога женщины. Строгую жизнь велъ князь Карлъ, оторванную отъ остального свѣта и посвященную молитвѣ, расчетамъ съ самимъ собою и любимымъ цвѣтамъ.

Казалось, этотъ образъ жизни, къ которому привыкъ князь, никогда уже не долженъ былъ измѣниться, когда внезапная вѣсть о смерти короля въ Меречѣ, въ Литвѣ, въ ту самую минуту, когда страшное пламя кроваваго бунта охватило всю Русь, опустошенную мятежными казаками, и въ этотъ спокойный уголокъ принесла безпокойство съ опасеніемъ за будущее... Страна осталась безоружной, открытой для всѣхъ и потеряла своего отца и свою голову. Можно себѣ представить, какую невыразимую тревогу возбуждали наступающія одна за другой неудачи и пораженія. Остатки войска разсѣяны, гетманы въ казацко-татарскомъ плѣну; со всѣхъ сторонъ громъ и нависшія надъ головой грозныя тучи. Бѣглецы съ поля битвы и изъ лагерей распространяли смятеніе... Казалось, приближался день страшнаго суда. Одни обвиняли другихъ, а въ дѣйствительности всѣ были виноваты...

Доходило даже до того, что непогребеннаго еще короля обвиняли въ разжиганіи мятежа противъ шляхты, которая не хотѣла его слушать.

— Dies irae! — раздавалось вездѣ. Толпы распущенной черни, которая успѣла попробовать крови, двигались уже въ самую глубь государства, которому нечѣмъ было защищаться отъ нихъ.

Только имя Іереміи Вишневецкаго стояло еще какъ щитъ. Единственнымъ спасеніемъ отъ этого погрома являлся какъ можно болѣе поспѣшный выборъ новаго короля, который взялъ бы въ сильныя руки бразды правленія и собралъ вокругъ себя людей къ оборонѣ. Нельзя было терять ни минуты.

Ближайшими къ трону были, разумѣется, два брата умершаго короля: эксъ-кардиналъ Янъ Казиміръ и Карлъ Фердинандъ, епископъ Вроцлавскій. Этотъ послѣдній однако-же, казалось, такъ мало обнаруживалъ честолюбія и такое сильное признаніе къ духовному сану, что сначала никто не могъ даже подумать, что онъ станетъ добиваться короны. Напротивъ того, Янъ Казиміръ, который въ своей жизни бросался на все, и все, чего достигалъ, бросалъ съ неудовольствіемъ, при первомъ извѣстіи о смерти брата, получивши доставшійся ему въ наслѣдство титулъ шведскаго короля, долженъ былъ, разумѣется, возгорѣться желаніемъ получить и эту корону.

Остается неразрѣшенной загадкой, кто первый подаль епископу Вроцлавскому мысль добиваться короны, о которой онъ самъ и не подумалъ бы. У него было мало друзей среди сенаторовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, онъ не сходилъ почти ни съ кѣмъ: молчаливый, недоступный, скупой — онъ не привлекалъ къ себѣ. По всей вѣроятности, переписка, которая завязалась у него въ это время съ семействомъ въ Швеціи, была первымъ толчкомъ. Навсегда останется тайной, какъ родилась эта мысль, но вдругъ, неожиданно для всѣхъ, распустили слухъ, что князь-епископъ тоже будетъ добиваться короны.

Одновременно съ появленіемъ этого слуха, на самомъ берегу Вислы, принадлежащемъ князю Карлу, по тому самому праву, по какому онъ занималъ и лѣвое крыло замка, по его приказанію, начали поспѣшно строить что-то. Это было тѣмъ удивительнѣе, что послѣ смерти короля братья должны были раздѣлить между собой дворцы на Краковскомъ предмѣстьи и въ Уяздовѣ, а Карлъ не любилъ тратить денегъ.

На мѣстѣ, предназначеномъ подъ эту постройку, стояла

когда-то изба, которая служила двору для купанья въ Вислѣ и отдыха послѣ купанья. Были тамъ и кегли для двора, а потомъ какой-то ловкій мѣщанинъ втерся туда со всей семьей и устроилъ нѣчто въ родѣ корчмы, гдѣ продавалъ вино, медъ и пиво.

Изъ разной городской дворни и изъ прислуги господъ, которые бывали при дворѣ, много бойкихъ и молодыхъ соби-ралось сюда повеселиться на свободѣ. Въ замкѣ они должны были держать себя тихо, спокойно; тутъ они были за стѣной и за глазами.

Вдругъ послѣ смерти короля, среди волненія, которое охва-тило всѣхъ, увидѣли плотниковъ, каменщиковъ, итальянца-архитектора и цѣлую кучу работниковъ, съ большой торопливостью суетящихся вокругъ этой избы. Ее передѣлывали, увеличивали и украшали; никто не зналъ, зачѣмъ и для чего?.

Никто, даже и самъ архитекторъ, не могъ сказать, для чего предназначалась новая изба; неизвѣстно было даже, какъ ее и называть. Любопытные, которые заглядывали туда, видѣли на серединѣ огромную, длинную комнату, подпертую столбами, а по бокамъ нѣсколько комнатъ поменьше. Сбоку должна была помѣщаться огромная кухня, а подъ одной изъ комнатъ рыли довольно обширный погребъ.

Не было тайной, что все это дѣлалось на счетъ князя, который самъ приходилъ раза два изъ своего сада осмотрѣть постройку и приказывалъ работникамъ торопиться. Частью изъ кирпича, частью изъ дерева выросло наконецъ огромное зданіе, почти уже готовое; стѣны побѣлили, выкрасили и сей-часъ же принялись отдѣлывать внутри. Въ большой залъ, въ длину, усталили два ряда столовъ и при нихъ лавки; въ бо-ковыхъ комнатахъ разставили болѣе изящные столы, столики и шкафы.

Можно было ожидать поэтому, что скоро кто-нибудь зай-метъ этотъ домъ; дѣйствительно, вскорѣ нѣкій Нетона изъ двора князя переселился на жительство сюда, а взятый изъ города, изъ кухни канцлера, молодой и способный поваръ Чернушка началъ наполнять кладовую.

Легко было догадаться поэтому, что домъ этотъ готовился къ предстоящимъ выборамъ, хотя онъ такъ далеко отстоялъ отъ самаго поля, что очень мало могъ пригодиться шляхтѣ.

До выборнаго сейма оставалось еще довольно времени, когда въ этомъ домѣ пробудились жизнь и оживленіе, не прекращавшіяся до самаго конца выборовъ.

Сюда шли главнымъ образомъ мазуры, а за ними и другіе, такъ какъ двери для всѣхъ были открыты настежь. Нетопа принималъ, даже слишкомъ радушно, кормилъ, поилъ и никому не позволялъ платить. Кромѣ его засѣдали здѣсь еще нѣсколько человѣкъ изъ шляхты: Высоцкій, Чирскій, Нищицкій, приводили съ собой пановъ-братьевъ и явно привлекали ихъ на сторону князя-епископа.

Хотѣлъ-ли и собирался-ли кто присоединиться къ нему, или нѣтъ, но когда здѣсь каждый день такъ аппетитно пахивало жаркое и было такое отличное пиво и медъ,—люди охотно стремились сюда. Всѣ дивились, что такой скупой человѣкъ ничего не жалѣлъ на это, а Нетопа повторялъ своимъ ломанымъ языкомъ:

— Для Рѣчи Посполитой этотъ панъ ничего не жалѣетъ.

Сначала тамъ было немного гостей, хотя заѣзжій домъ, какъ можно назвать его, никогда не стоялъ пустымъ; но чѣмъ ближе подходило время выборовъ, когда отовсюду начала съѣзжаться шляхта, большая зала всегда бывала биткомъ набита съ самаго утра, съ ранней обѣдни, и, при хорошемъ расположеніи духа, веселились чуть не цѣлую ночь. Кто выпилъ лишнее, такъ и просыпалъ ночь на лавкѣ, — ничего ему не говорили. Нетопа смотрѣлъ только за хозяйствомъ и порядкомъ; Высоцкій же, Чирскій и Нищицкій были ораторами и заправилami. Ничего нельзя было сказать противъ подобнаго выбора; каждый изъ нихъ имѣлъ какое-нибудь свое достоинство, а всѣ вмѣстѣ — языкъ, что называется, безъ костей.

Высоцкій могъ назваться ихъ головой; бойкій, ловкій, — хотя и простой дворовый, — онъ имѣлъ такой видъ и такъ ловко умѣлъ продавать колотно за атласъ, что издали каждый принималъ бы его за потомка великаго рода и за богатаго пана, когда, на самомъ дѣлѣ, у него не было даже избы.

Но годову онъ поднималъ кверху, грудь выставлялъ впередъ, руки закладывалъ за поясъ и такъ умѣлъ выдѣлывать ногами, что сидѣлъ ли онъ, стоялъ ли, ходилъ ли, — всегда по-барски. На людей онъ смотрѣлъ свысока и никому не позво-

лялъ излишней фамильярности. Всѣ должны были уважать его, хотя никто не сумѣлъ бы сказать: за что? Высоцкій не обладалъ особеннымъ краснорѣчіемъ, но все же онъ такъ умѣлъ обходиться, что его считали за оратора. Онъ кричалъ, размахивалъ руками, ворочалъ глазами, ворчалъ, покрикивалъ—и все это продѣлывалъ такъ рѣшительно, что убѣждалъ всѣхъ.

Росту онъ былъ необыкновеннаго, такъ что мало кто могъ съ нимъ равняться; поэтому онъ обнималъ своими взорами всю толпу и гдѣ только его было нужно, сейчасъ же являлся. Краснорѣчію приходила на помощь осанка.

Чирскій, маленький, ловкій, бурбонъ, какихъ тогда было много, вѣчно въ движеніи, въ ломаньи, въ кривляньи, съ чубомъ, торчащимъ какъ щетина, съ огромнымъ ртомъ, круглымъ животикомъ, взялъ на себя обязанность всѣхъ развеселять, а кого надо было, осмѣивать. Остроуміе его не подбирало выражений; онъ рубилъ съ плеча, но хорошо зналъ своихъ слушателей и никогда не ошибался; они всегда понимали его. Иной разъ повторить что-нибудь устарѣлое, избитое, но вклеить это такъ къ мѣсту, что сойдетъ за его собственное.

Самымъ умнымъ и краснорѣчивымъ, однако, былъ Нищицкій. Говорили про него, что онъ готовилъ себя къ духовному званію, а потомъ изъ іезуитской семинаріи вышелъ въ юристы. Поэтому, въ немъ видно было немножко теолога, немножко юриста. Говорилъ онъ легко, много, и никогда никто его не побѣждалъ. Когда начиналъ говорить, онъ обладалъ такимъ даромъ, что всѣ его слушали; для него ничего не стоило переливать изъ пустого въ порожнее чашъ, полтора. Наконецъ, утомленные слушатели говорили:

— Онъ правъ... онъ правъ...

Эти три человѣка каждый день бывали въ заѣзжемъ домѣ.

Какъ только являлся кто-нибудь новый, они окружали его особенной заботливостью: поили, кормили, забавляли его и не выпускали до тѣхъ поръ, пока онъ не обѣщалъ, что и самъ вернется и другихъ съ собой приведетъ.

Чирскій гордился тѣмъ, что былъ своякомъ каштеляна Хелмивскаго; Нищицкій самъ имѣлъ титулъ хорунжаго.

Болѣе высокихъ особъ здѣсь трудно было встрѣтить, хотя, должно быть, заѣзжій домъ князя Карла былъ и нуженъ, и

полезенъ, такъ какъ онъ содержалъ его, несмотря на то, что это стоило чрезвычайно дорого.

Непота былъ по-своему человѣкъ честный, но онъ не былъ бы сыномъ своего вѣка, если бы не умѣлъ пользоваться положеніемъ для своего собственнаго кармана. Несмотря на надзоръ, трудно было усмотрѣть за поваромъ и кладовой. Цѣлыя туши мяса выходили ужасно быстро, и погребъ опорожнялся какимъ-то чудеснымъ образомъ. Бывали такіе дни, что къ ночи приходилось посылать въ городъ, чтобы не осрамиться. Высоцкій же въ особенности налегалъ на то, что скупость здѣсь была неумѣстна и по своему обыкновенію говорилъ Непотѣ:

— Ты долженъ понимать, что здѣсь одно изъ двухъ: либо староста, либо капуцинъ. Не годится ударить лицомъ въ грязь. Мнѣ самому жалъ князя и его талеровъ, но если хочетъ быть королемъ, то — дудки!

Въ одинъ осенній вечеръ въ заѣзжемъ домѣ было люднѣе, чѣмъ всегда, и такъ шумно, что въ стоящемъ неподалеку дворцѣ князя Карла, который былъ отдѣленъ отъ дома только небольшою площадью и толстой стѣною, должно было, слышали этотъ шумъ.

Не было почти дня, чтобы послѣ казацкихъ погромовъ, или позорныхъ поражений, изъ страны, всей залитой пьяной чернью, не появлялся какой-нибудь бѣглець, раненый, освободившійся изъ плѣна и т. п. Волосы подымались дыбомъ у слушателей, когда эти несчастные начинали рассказывать; но въ этотъ день какой-то шляхтичъ изъ Полѣсья, нѣкій Шмердовскій, особенно сильно занималъ всѣхъ: такіа страшныя вещи рассказывалъ онъ безъ устали съ самаго утра. Правда, нѣкоторые невѣрующіе подозрѣвали, что онъ слишкомъ злоупотреблялъ своей фантазіей, но онъ клялся, ударялъ себя въ грудь и постоянно повторялъ: «Дай Богъ мнѣ съ мѣста не встать, если все это не чистая правда, которую я видѣлъ воть этими самыми глазами». Въ особенности поражали всѣхъ звѣрства взбунтовавшагося казачества. Вмѣстѣ съ другими Шмердовскій принесъ, между прочимъ, одинъ изъ первыхъ, тотъ слухъ, что казаки гордились приказомъ покойнаго короля, который позволилъ имъ вымещать свои обиды на панахъ и шляхтѣ.

Будучи въ плѣну у казаковъ, изъ котораго ему только

какимъ-то чудомъ удалось вырваться, онъ собственными ушами слышалъ это отъ казацкихъ старшинъ, — и прибавлялъ, что, какъ бы тамъ ни было, а надо какъ можно скорѣе выбирать короля, потому что казаки только съ нимъ самимъ желаютъ вести переговоры, а съ панами — никогда.

Да и всѣ здѣсь были того-же мнѣнія: что король и полководецъ необходимо были нужны. Ракочи хотъ и набрасывался и напрашивался, но никому не приходился по вкусу; о другихъ кандидатахъ некогда было думать. Итакъ, оставался выборъ только между Яномъ Казиміромъ и Карломъ.

Трудная задача лежала на тѣхъ, которые хотѣли предлагать послѣдняго. Никто его не зналъ. Казиміра же знали даже слишкомъ хорошо.

Въ заѣзжемъ домѣ его не щадили нисколько, и если кто вспоминалъ о немъ, то Чирскій фыркалъ отъ смѣха.

— Поглядите, что онъ удереть, — кричалъ онъ, — если, сохрани Богъ, выборъ падетъ на него! Гдѣ и когда онъ выдерживалъ? Былъ монахомъ: клобукъ скоро ему опротивѣлъ; папа покрылъ его пурпурной мантией: онъ и ту отослалъ ему. Тогда онъ надѣлъ свѣтское платье, но и это скоро ему надоѣсть. Дадите ему корону, — онъ не долго ее поносить. Кто же его здѣсь не знаетъ? Поляковъ не любитъ; нѣмцы и итальянцы — вотъ его любимое общество, да еще попугаи, обезьяны и карлики, потому что онъ по цѣлымъ днямъ сидитъ съ ними охотнѣе, чѣмъ съ господами сенаторами! Не будетъ отъ него пользы Рѣчи Посполитой. Всему свѣту извѣстно, что нашъ князь Карлъ бережливостью и разумомъ скопилъ себѣ порядочно денегъ, и уже теперь, не ожидая, онъ послалъ на защиту границъ государства отъ казацкаго погрома нѣсколько сотъ людей, вооруженныхъ на свой счетъ. Казиміръ ни гроша за душой не имѣетъ, нечего отъ него ждать толку. Ихъ даже и сравнивать нельзя другъ съ другомъ, — продолжалъ Чирскій съ большимъ одушевленіемъ. — Князь-епископъ — человѣкъ серьезный и положительный, а тотъ гоняется за дѣвками, точно молодкосость, такъ что королева должна была закрыть передъ нимъ двери своей дѣвичьей.

Всѣ слушали въ молчаніи, лишь одинъ шляхтичъ, сидѣвшій въ углу надъ стеклянкой пива, медленно заговорилъ:

— Прости Господи, не везло намъ съ нашими королями съ тѣхъ поръ, какъ не стало Ягеллоновъ. Чтобы не попасться Ракушанину, мы выбрали со страха француза, а этотъ осрамилъ насъ, удравши прочь. Послѣ него пришелъ съ волчьими зубами Щепанекъ и началъ прижимать и, можетъ быть, завелъ бы порядокъ, если бы смерть не похитила его. Но что было и послѣ него? Съ французомъ никто изъ насъ не могъ даже объясниться, такъ какъ онъ не зналъ нашего языка, да и учиться ему не хотѣлъ; съ Баторіемъ тоже, — кто не зналъ по-латыни, долженъ былъ разговаривать черезъ Замойскаго. Одинъ Богъ вѣдаетъ, впрочемъ, кто тогда правилъ: Баторій или Замойскій. Наконецъ мы выбрали себѣ съ каплей ягелловой крови Сигизмунда, про котораго намъ говорили, что сначала онъ училъ молитвы по-польски. Мы даже дрались за него, чтобы снова не пустить Ракушанина. Что-же затѣмъ? Ракушанинъ далъ ему женку одну и другую, а съ женами пришла нѣмецина и дѣти воспитались нѣмцами.

Долго бы еще разсуждалъ такъ шляхтичъ, но Нищицкій не допустилъ этого, сообразивъ, что въ концѣ концовъ все это не шло на пользу князя Карла.

— Эй! эй! — быстро вскричалъ онъ, — что тутъ понапрасну жаловаться на Провидѣніе и прошлую судьбу! Что сдѣлано, того не передѣлаешь. Теперь *periculum in mora*; какъ можно скорѣе надо намъ короля, у насъ только два есть для выбора. Князя экс-кардинала, который уже теперь приказываетъ величать себя шведскимъ королемъ, мы знаемъ. Этого одного уже достаточно, чтобы не хотѣть его. Помните еще одно, что ради этого титула короля шведскаго, о которомъ навѣрное будутъ спорить, онъ можетъ вовлечь насъ въ войну. Пусть же царствуетъ себѣ въ Швеціи, а мы всѣ единогласно выберемъ на тронъ князя Карла. Все говоритъ за него.

Всѣ молчали вокругъ, никто не возражалъ, только глухой говоръ наполнялъ залу. Часть гостей окружила шляхтича, который рассказывалъ о жестокостяхъ казаковъ и татаръ. Вдругъ столпившійся у дверей народъ началъ отступать съ какимъ-то страннымъ шопотомъ и надъ ихъ головами показалась верхушка головы, покрытой растрепанными, торчащими

какъ кустъ съдыми волосами, и сейчасъ же изъ устъ въ уста начало переходить:

— Бояновскій! Бояновскій!

Имя это, казалось, обладало способностью водворять молчаніе, потому что всѣ рты закрылись, и глаза обратились въ ту сторону, гдѣ черезъ добровольно разступающуюся толпу медленно пробирался Бояновскій.

Высоцкій, Чирскій, Нищицкій, услыхавъ о немъ, собрались вмѣстѣ въ кучку, какъ-бы чувствуя необходимость самозащиты. Сквозь разступившихся гостей вошелъ наконецъ Бояновскій, голова котораго такъ долго видѣлась надъ толпой. По ней можно уже было судить о его ростѣ, — дѣйствительно, онъ казался великаномъ, а худоба дѣлала его еще выше на видъ. Это были кожа до кости, но кости толстыя, могучія, на которыхъ жилы и мускулы образовывали какъ бы подкожную сѣтку. Огромное, блѣдное, продолговатое лицо, съ длинной сѣдой бородой, также растрепанной, какъ и волосы, склонялось на полуобнаженную грудь. Мало кто могъ безъ безпокойства, почти что безъ тревоги, выдержать взглядъ этого человѣка. Глубоко скрытые подъ лобными костями глаза изъ-подъ темныхъ сводовъ, поросшихъ торчащими съдыми бровями, свѣтились такъ, какъ будто бы въ нихъ дѣйствительно горѣлъ какой-то огонь. Черты лица правильныя, острыя, сухія носили выраженіе презрѣнія, гордости и невыразимой рѣшимости. Губы еще блѣднѣе кожи, почти бѣлыя, какъ бы спаленныя, были закрыты только наполовину. Несмотря на то, что одежда, которая его покрывала, могла назваться почти лохмотьями, Бояновскій имѣлъ величественный видъ. Коричневаго цвѣта плащъ, нѣсколько напоминающій костюмъ монаха, безъ воротника толстыми и частыми складками спускался на ноги, покрытыя кожаными голенищами, которыя были прикрѣплены шнурками. Онъ былъ подпоясанъ простымъ шнуркомъ, скорѣе веревкой, съ которой свѣшивались деревянные четки съ огромными шариками, при каждомъ движеніи издававшими непріятный стукъ. Эти деревянные шарики стучали, какъ бы кости скелета. Въ одной рукѣ онъ держалъ огромный, толстый посохъ, которымъ подпирался, и стоило только присмотрѣться къ этой рукѣ, чтобы понять, чѣмъ этотъ человѣкъ былъ въ молодости. И те-

перь еще казалось, что если бы онъ захотѣлъ сжать этотъ посохъ, изъ него потекла бы вода.

Медленно шелъ Бояновскій, но не одинъ; съ лѣвой стороны, подъ его локтемъ, двигался какой-то маленькій человѣчекъ, задыхающійся и смотрящій вокругъ безпокойными глазами: это былъ неизвѣстно кто—слуга, товарищъ, ученикъ,—слѣдовавшій за нимъ, какъ неоступная тѣнь. Подойдя къ средней залѣ, въ которой при его появленіи все затихло, Бояновскій остановился и изъ глубокихъ впадинъ, изъ-подъ тѣни бровей, повелъ вокругъ глазами.

Всѣмъ почти, кто тамъ находился, Бояновскій былъ извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, хоть по фамиліи и по наслышкѣ. Глухо и различно рассказывали о его прошломъ, извѣстно было съ достовѣрностью только то, что много лѣтъ уже онъ совершаетъ покаяніе, что онъ обошелъ Святыя Мѣста, былъ въ Римѣ, а теперь ходилъ лѣшкомъ отъ одной чудотворной иконы къ другой, останавливаясь въ деревенскихъ церквахъ, и призывая людей къ покаянію.

Онъ былъ краснорѣчивъ и смѣлъ и не щадилъ никого. Часто люди интересовались имъ, но вмѣстѣ и боялись, въ особенности паны и шляхта, которыхъ онъ хлесталъ и бичевалъ безъ милосердія. Болѣе кроткіе духовные не разъ пробовали удерживать его отъ взрывовъ и вспышекъ, но Бояновскій, не споря съ ними, прослушавъ ихъ рѣчи, нисколько не измѣнялъ своего поведенія. Про него рассказывали, что онъ непрощенный являлся туда, гдѣ видѣлъ развратъ или слышалъ о немъ, и призывалъ къ покаянію. Не разъ удавалось ему такимъ образомъ обратить на путь истинный закоренѣлаго грѣшника и пробудить въ немъ раскаяніе, но частенько также его травили собаками и забрасывали камнями. Хотя онъ и выглядѣлъ, какъ нищій, Бояновскій ни отъ кого ничего не принималъ, развѣ если кто предлагалъ накормить его, когда онъ бывалъ голоденъ, но и то это угощеніе никому не могло быть въ тяжесть, потому что онъ никогда не бралъ въ ротъ мяса и утолялъ свой голодъ какой-нибудь похлебкой, хлѣбомъ, водой, молокомъ. Спутникъ его, котораго знали подъ названіемъ Варша, можно сказать, караулилъ, чтобы онъ не слишкомъ затягивалъ свои посты и часто кормилъ его почти ва-

сильно. Его считали такимъ угодникомъ Божиимъ, что по дорогѣ, гдѣ онъ показывался, матери выносили ему навстрѣчу дѣтей, чтобы онъ благословилъ ихъ. Онъ отказывался отъ такой чести и иногда возмущался.

— Я такой-же грѣшникъ, какъ и вы,—говорилъ онъ.— Вы видите, что я даже совершаю покаяніе въ своихъ грѣхахъ. Не поможетъ вамъ благословеніе нечистыхъ рукъ, ни спекшихся устъ моихъ: молитесь сами, и Богъ васъ услышитъ.

Появленіе Бояновскаго въ заѣзжемъ домѣ было совершенно непонятно какъ для гостей, такъ и для хозяина, такъ какъ онъ никогда не бывалъ на такихъ людныхъ сборищахъ, избѣгалъ ихъ. Высоцкій и его товарищи тоже вовсе не были ему рады. Не понимали,—кто его привелъ сюда.

Въ эту минуту тотъ полѣсецъ, который выдавалъ себя за бѣглеца изъ казацкаго плѣна и рассказывалъ такія чудеса, увидѣвъ Бояновскаго, вскочилъ, какъ бы испугавшись его. Старецъ искалъ его взглядомъ и, наконецъ найдя, вперилъ въ него свой взоръ съ такимъ напряженіемъ и силой, что Шмердовскій всталъ, какъ окаменѣлый.

Все болѣе и болѣе глубокое молчаніе воцарялось въ залѣ, во всѣхъ ея концахъ. Бояновскій остановился и ударилъ въ полъ своей палкой.

— Говори,—медленно сказалъ онъ сильнымъ и глубокимъ голосомъ,—говори! Пусть и я услышу, какъ насъ караетъ Богъ. Говори!

Между тѣмъ, только-что бывшій слишкомъ краснорѣчивымъ, Шмердовскій теперь до того растерялся, что только что-то беззвучно бормоталъ. Тѣ, которые раньше слышали его, рассказывающаго съ такимъ жаромъ, съ такимъ увлеченіемъ, начали подталкивать его локтями и шептать: да ну-же, говори!

Высоцкій, быть можетъ, довольный, что Бояновскому ничего больше не нужно, повелительнымъ жестомъ далъ знакъ полѣсцу, чтобы онъ былъ послушенъ. Но вся рѣшимость и самоувѣренность покинули Шмердовскаго.

— У меня уже недостаетъ силъ,—отозвался онъ слабымъ голосомъ,—и что видѣли мои очи, то самому мнѣ кажется сномъ неправдоподобнымъ. Что-же другимъ-то, которые слушаютъ объ этомъ! Кровь лилась и льется ручьями, колодца

наполнены трупами. Вокруг мѣстечекъ стоятъ цѣлыя лѣса посаженныхъ на колы. Ни одинъ дикій звѣрь не терзаетъ такъ своей жертвы.

— Трудно даже придумать, — сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, — чего бы не свершила строгая кара Божія. Увы, да! видѣль-ли ты, слышалъ-ли, снилось-ли тебѣ только, — все это правда — есть, было, свершилось или свершится.

— Тяжки были грѣхи наши, и вотъ насталъ день суда и кары Божіей.

— Не мало лѣтъ тому назадъ святой мужъ Скарга пророческимъ голосомъ предсказалъ все это съ каеэдры. Плѣнь у чужеземцевъ, издѣваніе слугъ надъ нами, рѣзня, пожары и постыдныя бѣгства съ поля битвы, — и мученья... и рѣки крови, и хоры стоновъ, поднимающихся къ глухимъ небесамъ... такъ какъ грѣхи наши закрыли ихъ для насъ. И вотъ, Богъ наказалъ насъ и начались наши бѣдствія и будутъ продолжаться не одинъ день — *dies irae*, но цѣлыя вѣка Божьяго гнѣва, такъ какъ вѣками тянулись и росли грѣхи наши!

Бояновскій застоналъ.

Голосъ старца, выходящій какъ-бы изъ гроба, серьезный, строгій, могучій какой-то таинственной силой, проникалъ до глубины души. Тяжелые вздохи и даже стоны начали вырываться изъ груди нѣкоторыхъ, у другихъ катились слезы.

Старецъ остановился съ глазами, устремленными куда-то вдаль, и съ минуту молчалъ.

— Государя думаете избрать, — медленно продолжалъ онъ, — и нужно его намъ, дѣйствительно; но кто-же изъ васъ захочетъ слушать избраннаго? Вы посадите его на престолъ только для того, чтобы надругаться надъ нимъ, чтобы онъ вамъ заплатилъ, чтобы каждый изъ васъ поживился на его счетъ. Вы жаждете чиновъ, вы ищите мѣста какъ аренды, которая будетъ вамъ приносить доходъ. Солдаты не слушаютъ вожда, гетманы сеорятся между собой. По домамъ вездѣ несогласія, на сеймахъ разногласія, передъ врагомъ и битвой — непослушаніе. На войну вы шли, таща за собой золотыя палатки и перины и серебро... И вотъ все это сдѣлалось теперь добычей казаковъ! Даже прежнее мужество изгнано изъ груди распутствомъ. Это еще только заря, начало Божіей кары...

Цѣлыя поколѣнія будутъ нести ее, она должна продолжаться вѣка...

Голосъ его становился все тише и наконецъ перешелъ въ неясное бормотанье. Всѣ стояли смущенные и взволнованные.

Нищицкій, который льстилъ себя надеждой, что онъ сумѣетъ поспорить съ этимъ страшнымъ пророкомъ, выступилъ нѣсколько впередъ.

— Не слѣдуетъ лишать насъ мужества, — проговорилъ онъ, — въ ту минуту, когда мы больше всего въ немъ нуждаемся. Богъ дастъ, его предостереженіе не пропадетъ даромъ. Исправленіе уже замѣтно; всѣ теперь сознають, какого намъ надо государя, и единогласно изберутъ его.

Бояновскій пристально и долго смотрѣлъ на него.

— Молитесь и кайтесь, — сказалъ онъ. Ничего вы не знаете, вы слѣпы, но обольщаете себя мыслью, что имѣете какую-то силу. Сила эта дана только народамъ здоровымъ и неиспорченнымъ. Мы уже не владемъ собой, мы сдѣлаемся жертвой судьбы, вѣтра или, вѣрнѣе, горькихъ плодовъ нашего грѣха. Вы не выберете кого хотите, да и онъ не сможетъ пойти тѣмъ путемъ, какимъ желалъ бы. Возжи порвались и возницы летятъ безъ нихъ въ пропасть. Молитесь и кайтесь! Молитесь и кайтесь!

Проговоривъ эти слова возвышеннымъ голосомъ, Бояновскій еще разъ повелъ глазами по толпѣ, въ которой уже не замѣтилъ шляхтича изъ Полѣся. Онъ исчезъ куда-то и скрылся.

Старецъ, постоявъ минуту, среди тревожнаго молчанія, медленно повернулся и, началъ подвигаться къ дверямъ. Его никто не смѣлъ удерживать. Всѣ какъ-то свободнѣе вздохнули, когда Бояновскій ушелъ. Шмердовскій, который забился было куда-то въ уголъ, снова вынырнулъ изъ толпы.

— Святой человѣкъ, — въ полголоса проговорилъ Нищицкій, который не очень былъ радъ его появленію и тому впечатлѣнію, какое онъ по себѣ оставилъ. — Святой человѣкъ, но за то должно быть въ тяжкихъ грѣхахъ кается.

Нищицкій показалъ рукою на лобъ.

— Теперь ужъ все у него здѣсь смѣшалось... пожалуй, даже собственные грѣхи съ нашими... Богъ справедливъ, но милосердъ: то, что мы вытерпѣли, — достаточное наказаніе. Вы-

беремъ себѣ государя, соберемся вокругъ него, пойдемъ на этихъ хлоповъ...

Когда онъ говорилъ это, какой-то шляхтичъ выскочилъ изъ толпы.

— По обычаю старины, король всегда бывалъ у насъ вмѣстѣ съ тѣмъ и старшимъ гетманомъ; а гдѣ же тутъ епископу, который съ дѣтства учился только благословлять, хвататься за оружіе, котораго никогда не держалъ въ рукахъ!

Чирскій и Высоцкій сейчасъ же заглушили его.

— Для вождей или гетмановъ у насъ есть другіе люди, — закричалъ Чирскій; а королю довольно одного мужества, котораго довольно у князя Карла... Рыцарство у него въ крови; пусть только онъ одѣнетъ панцырь и шлемъ: увидите, что изъ него выйдетъ!

Рѣчь Чирскаго встрѣтили почему-то смѣхомъ, но сильный шумъ заглушилъ дальнѣйшій споръ. Высоцкій приказалъ подавать блюда и наполнять кубки.

II.

Въ спальнѣ своей, передъ старымъ, обитымъ чернымъ сукномъ, столикомъ въ глубокомъ траурѣ, со слезами на глазахъ, стояла на колѣняхъ королева Марія Людовика, глубоко задумавшись надъ полуоткрытой книгой, на которой лежали четки.

Прожитые въ Польшѣ годы борьбы и постоянныхъ заботъ отразились изнуреніемъ на ея все еще красивомъ лицѣ, выраженіе котораго было полно энергіи и силы.

Она была утомлена, но мужество ея не пропало; въ этой задумчивости она, казалось, готовилась къ новой борьбѣ. Мысль ея пробѣгала теперь, должно быть, и розовое прошлое, розовую молодость, проведенную во Франціи, теперь уже пропавшую и забытую, и тяжелую жизнь въ Польшѣ, тяжелые трофеи, добытые ею здѣсь.

Они были несомнѣнны, и хотя королева не гордилась ими, а скорѣе желала скрыть, чтобы не возбудить опасенія, но вліяніе ея замѣчалось повсюду. Какъ набожная, она привлек-

ла на свою сторону значительную часть духовенства; образованіемъ, воспитаніемъ, обхожденіемъ она, увлекла за собой первыхъ магнатовъ, которые, какъ и она, предпочитали иностранные обычаи старо-польской простоты. На совѣтъ она представляла собой и собирала вокругъ себя все, что служило интересамъ Франціи и имѣла съ ея стороны сильную поддержку, и такъ какъ каждый изъ этихъ пановъ-сенаторовъ, которые симпатизировали ей и умѣли ее цѣнить, былъ вождемъ, и руководителемъ и покровителемъ цѣлой толпы бѣднѣйшей шляхты, то черезъ первыхъ она могла разсчитывать и на послѣднихъ.

Въ эту минуту она именно взвѣшивала въ своемъ умѣ какую роль принять ей на себя въ это время выборовъ, за что взяться. Она никого не могла позвать на совѣтъ, никому даже не смѣла открыться. Она принимала всѣ посѣщенія, какъ вдова, убитая горемъ, своимъ сиротствомъ, печалью о не вознагражденной утратѣ.

466329 Ни для кого не было тайной, что бракъ далеко не связалъ сердечными узами покойнаго короля съ его женой. Равнодушный до конца жизни, развлекающійся любовными интрижками, онъ только по неволѣ уважалъ жену, только для людскихъ взоровъ бралъ ее съ собой въ путешествія, уступалъ ея требованіямъ, часто боялся рѣзкихъ упрековъ, но вовсе не любилъ ее. Она тоже обнаруживала къ нему уваженіе, должное королю и господину, но не скрывала своего отвращенія къ его образу жизни и обычаямъ.

Увѣдомляемая о каждой новой интрижкѣ своего мужа, такъ легко поддающагося своимъ товарищамъ, которые пользовались его слабостью, — королева должна была многого не видѣть. Заподозрѣнная сама въ любовной интригѣ, она никогда не могла забыть этого: и ея поведеніе, строгость ко двору, были вѣчной ложью, вызванной клеветой. Она основывала монастыри, посѣщала церкви, окружала себя людьми набожными и строго преслѣдовала малѣйшую даже видимость легкомыслія въ окружающемъ ея дворѣ. По этой причинѣ она почти постоянно должна была тайно или явно противиться ухаживаніямъ Яна Казимира, который сначала ужасно надоедалъ прекрасной m-lle Duret, потомъ m-lle Zuse и, наконецъ, по очереди и другимъ придворнымъ красавицамъ, тщетно стараясь сыскать себѣ

расположеніе то m-lle Langeron, то m-me Les Essats. Но всюду Янъ Казиміръ уходилъ отвергнутый и разочарованный. Онъ очень хорошо видѣлъ, что въ значительной степени обязанъ своими неудачами королевѣ, и за это питалъ къ ней вражду; но никогда ни съ той, ни съ другой стороны не вышла наружу эта скрытая борьба, часто возбуждавшая смѣхъ въ Маріи Людвиѣ.

Эксъ-кардиналъ долженъ былъ искать вознагражденія за эти неудачи въ кружкахъ, то аристократическихъ, то шляхетскихъ и, наконецъ, даже мѣщанскихъ.

Надъ этимъ несчастнымъ характеромъ Яна Казиміра никогда королева не останавливалась серьезно, никогда не подвергала его болѣе строгому анализу, чѣмъ теперь. Быстрое око ея не должно было далеко заглядывать, чтобы предвидѣть, что король шведскій сдѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ и польскимъ, хотя онъ и имѣлъ опаснаго соперника въ своемъ братѣ Карлѣ.

Въ особенности опасенъ былъ епископъ Вроцлавскій тѣми деньгами, которыя были у него въ распоряженіи. Король шведскій, кромѣ долговъ, почти ничего не имѣлъ. Даже самые счастливые выборы требовали большихъ расходовъ, почти неизбежныхъ. Выработались уже извѣстныя формы и традиціи, извѣстные обычаи при выборахъ. Необходимо было имѣть въ своемъ распоряженіи много посредниковъ, людей бѣдныхъ, которымъ надо было платить. На все это Янъ Казиміръ почти не имѣлъ средствъ, тогда какъ Карлъ израсходовалъ уже больше милліона злотыхъ, какъ говорили, на вооруженіе 800 чело-вѣкъ, которыхъ онъ отдалъ въ распоряженіе Рѣчи Посполитой. А могъ дать еще больше... Съ княземъ Карломъ королева никогда не была въ близкихъ отношеніяхъ. Онъ избѣгалъ женщинъ вообще и, принужденный бывать у Маріи Людвики, всегда держался въ сторонѣ. Кромѣ того, своимъ темпераментомъ, характеромъ онъ не нравился королевѣ и самъ въ свою очередь не любилъ ее.

Не могъ также быть пріятнѣе и Янъ Казиміръ, наружность котораго была отталкивающая, обхожденіе надоедливое, разговоръ приторный и несносный; но Марія Людвига чувствовала въ немъ чело-вѣка, котораго легко было забрать въ свои руки. Ни въ чемъ у него не было настойчивости, постоянства, онъ

позволялъ водить себя за носъ тѣмъ, кто, подобно Бутлеру и другимъ фаворитамъ, сумѣли ему понравиться.

Нѣкоторое время послѣ смерти мужа королева подумывала о возвращеніи во Францію, но тотчасъ-же почувствовала, что это было-бы ошибкой и отреченіемъ отъ всего прошлаго, отъ котораго она еще не хотѣла отказаться.

Все ея имѣніе, раздѣль имуществъ, множество начатыхъ дѣлъ задерживали ее здѣсь. Она должна была остаться и могла еще играть большую роль. Взоръ ея пробѣгалъ цѣлый рядъ тѣхъ людей, которые могли-бы взять въ свои руки бразды правленія; но среди нихъ она не нашла ни одного, который сумѣлъ-бы воспользоваться обстоятельствами. Она чувствовала себя до нѣкоторой степени сильнѣе ихъ или, по крайней мѣрѣ, готовой къ борбѣ.

Но въ эту минуту все это было скорѣе предчувствіе, мечты, надежды, неприведенныя въ исполненіе намѣренія и мысли. Она чувствовала только, что должна была сохранить свою независимость, встать въ сторонѣ и не мѣшаться ни во что, пока не будутъ обезпечены ея собственныя выгоды и положеніе. Она легко могла догадаться, что епископъ Вроцлавскій такъ-же, какъ и король шведскій (такъ онъ приказалъ называть себя), будутъ стараться привлечь ее на свою сторону, но именно въ видахъ будущаго она не хотѣла ничѣмъ связываться. Размышленіе это прервало ея молитву, она еще стояла на колѣняхъ, но, опершись на руку, уже перестала молиться, когда двери слегка открылись и королева замѣтила осторожно заглядывающую *la-llc Langeron*. Она обратила на нее вопросильный взглядъ. Француженка подошла на пальцахъ и, ставъ на колѣни передъ королевой, прошептала:

— Король шведскій...

Брови Маріи Людвики слегка сморщились.

— Скажи, что я оканчиваю молитву, пусть ксендзъ Флери приметъ его; я сейчасъ туда выйду. Ксендзу Флери шепни, чтобы онъ не уходилъ во все время посѣщенія короля.

— Послушная Ланжеронъ выскользнула изъ комнаты, а королева, еще слабая послѣ лихорадки, съ трудомъ поднялась съ пола и на минуту сѣла въ кресло. Она взглянула въ сторону на зеркало въ серебряной рамѣ, которое отражало ея

лицо, блѣдное и грустное, но не лишенное нѣкоторой красоты.

Разсчитавъ время такъ, чтобы ксендзь Флери успѣлъ ввести короля въ ея покои, Марія Людвига медленно поднялась, приняла величественное выраженіе лица и медленными шагами направилась къ той комнатѣ, изъ которой уже доносились голоса короля и доктора Сорбонны.

Пажъ, который ожидалъ ее у дверей, открылъ ихъ и она вошла. Янъ Казиміръ привѣтствовалъ ее со свойственнымъ ему выраженіемъ лица — кислымъ, но гордымъ, которое, казалось, всегда отражало какъ-бы слѣды только-что испытаннаго разочарованія или огорченія. Чрезвычайно рѣдко видѣлъ кто-нибудь короля веселымъ, кромѣ его карликовъ, приближенныхъ и немногихъ друзей. Сарказмъ, иронія являлись у него чаще всего, и какой угодно предметъ разговора измѣнялся въ его устахъ въ рассказы о самомъ себѣ. Этотъ переходъ къ себѣ былъ его характеристичной слабостью.

Цвѣтъ лица его былъ темно-желтый, только слѣды оспы яснѣе обозначались на немъ. Съ гордо искривленными губами, надутый, на этотъ разъ онъ былъ болѣе чѣмъ когда-либо угрюмъ и озабоченъ. Королева уступила ему, разумѣется, первое мѣсто, сѣла сама и взглядомъ удержала ксендза де-Флери, который присѣлъ на простой стулъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Безпокойные взгляды Яна Казиміра имѣли весьма ясное значеніе: ему хотѣлось-бы избавиться отъ этого свидѣтеля и остаться наединѣ съ королевой, но этого-то именно хотѣла избѣжать Марія Людвига.

Взглядъ его не подѣйствовалъ, и король, закусивъ губы и сжавъ руки, въ которыхъ держалъ перчатки, тихо началъ говорить:

— Я хотѣлъ узнать о здоровьи вашего королевскаго величества; я самъ такъ разбитъ, чувствую себя такъ нехорошо! Положеніе страны дѣйствительно отчаянное. Торопятся съ выборами, но, по моему, они придутъ слишкомъ поздно, такъ какъ казаки тѣмъ временемъ все истребляютъ, а сейма и пановъ они не захотятъ слушать. Вzbунтовавшимся хлопамъ одинъ королевскій санъ можетъ быть грозенъ своимъ величіемъ.

Король вздохнулъ и черезъ минуту прибавилъ, оглядываясь:

— Рѣшительно я не хотѣлъ этому вѣрить, — братъ мой Карлъ добивается короны.

Королева подтвердила это движеніемъ головы.

— Но это уже давно извѣстно, — прошептала она.

— По многимъ причинамъ мнѣ это казалось почти невозможнымъ, — началъ король оживляться. — Нѣтъ подь солнцемъ человѣка скупѣ Карла и менѣе созданнаго быть государемъ. Онъ любить монашеское уединеніе, сторонится отъ людей, кто могъ подать ему подобную мысль?

Онъ посмотрѣлъ на королеву, которая слегка повела плечами.

— Мнѣ кажется, что она сама у него явилась, — проговорила она: — потому что сначала всѣ утверждали, что ваше королевское величество не будете добиваться этой короны.

— О! да, я ее вовсе и не желаю, — отвѣчалъ король: — но полученная въ наслѣдство шведская корона заставляетъ меня искать для нея какой-нибудь подпоры, силы, которую я могъ бы употребить, домогаясь своихъ правъ.

Королева ничего не отвѣтила, но взгляды ея, должно быть, были очень выразительны, потому что Янъ Казиміръ прибавилъ, отвѣчая на этотъ взглядъ:

— Я самъ мало имѣю надежды на полученіе шведскаго трона, — это правда, но, тѣмъ не менѣе, я обязанъ стараться объ этомъ. Одно это ставитъ меня среди кандидатовъ.

Янъ Казиміръ не докончилъ и прервалъ, быть можетъ, стыдись притворства.

— Это терновая корона, — сказалъ онъ — но все-таки корона и съ Божіей помощью все будетъ благополучно. Война дастъ диктатуру.

Онъ вдругъ остановился и послѣ краткаго промежутка, продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Я пришелъ искать совѣта и утѣшенія у вашего королевскаго величества.

Марія Людвика грустно покачала головой и опустила глаза.

— О, государь, — сухо и холодно сказала она, — бѣдная вдова, вся изстрадавшаяся, убитая горемъ, я не только никому другому, но даже самой себѣ не могу дать хорошаго совѣта. Вы набожны, уповайте на Провидѣніе, — Оно навѣрное васъ не покинетъ.

Съ большимъ жаромъ прервалъ ее Янъ Казиміръ:

— Всѣ мои надежды я возлагаю на Божію Матерь, чудо-

творный образъ которой въ Червенскѣ вливаетъ утѣшеніе въ мою душу. Да, — прибавилъ онъ съ сильнымъ и искреннимъ жаромъ, — въ такое время, какъ у насъ теперь, когда не хватаетъ разсудка, надо полагаться только на покровительство Бога, на помощь святыхъ угодниковъ.

— Счастливъ тотъ, кто можетъ сказать себѣ, — сухо преврала королева, — что онъ умѣлъ заслужить ее.

Наступило какое-то неловкое молчаніе и Янъ Казиміръ со свойственной ему изворотливостью повернулъ разговоръ.

— Говорятъ, что Карлъ спустилъ уже больше милліона, давъ государству 800 вооруженныхъ. Да, но кромѣ маленькой горсти людей, которые не имѣютъ почти никакого значенія въ государствѣ, онъ не будетъ имѣть за собой никого.

— Я совершенно незнакома съ этимъ дѣломъ, — равнодушно прибавила королева.

— Я могу пересчитать его друзей, — быстро заговорилъ Янъ Казиміръ. — Кіевскій епископъ Заремба. Кто-же его здѣсь знаетъ? Что онъ значитъ?.. Быть можетъ, онъ привлечетъ къ себѣ воеводу волынскаго князя Сангушко и князя Исидора Заславскаго, но все это только имена, а не люди, въ сенатѣ никто изъ нихъ слова сказать не сумѣетъ, а если-бы и заговорили, то никто-бы не сталъ ихъ слушать. Чирскій, каштелянъ Хелмскій, новичекъ, homo novus, а Рушковскій, Иновроцлавскій — не лучше. А! Теодорикъ Пороцкій, Галицкій подкоморій, вотъ и всѣ... да...

Поспѣшность и обстоятельность, съ какой король шведскій перечислялъ сторонниковъ своего соперника, доказывали, что дѣло это занимало его гораздо болѣе, чѣмъ онъ желалъ то показать.

— Я, — прибавилъ онъ, — охотно уступилъ бы ему, но меня насильно тянутъ первые сенаторы. Я противлюсь имъ, — вѣдь я не могъ бы выставить даже и тѣхъ жалкихъ 800 человекъ, которыхъ далъ Карлъ, а онъ, какъ я слышалъ, обѣщается содержать на свой счетъ 10,000.

Горько задумался король, говоря это.

— Даже доходовъ вроцлавской епархіи не хватитъ на это, — сказалъ онъ, — а если онъ все также радушно будетъ кормить и поить шляхту, то къ выборамъ у него останутся только долги.

И снова Янъ Казиміръ ловко повернулъ разговоръ.

— Дворецъ на Краковскомъ предмѣстїи я хочу оставить за собою,—сказалъ онъ, глядя на королеву.

Марія Людвика, помолчавъ, тихо прошептала, не поднимая глазъ.

— Въ такомъ случаѣ, Уяздовъ достался бы князю Карлу.

— Со звѣринцемъ!—подхватилъ король,—но онъ не охотникъ. Уяздовъ можно раздѣлить.

Марія Людвика холодно прервала:

— Потрудитесь не забывать о томъ, что и мнѣ будетъ принадлежать по мужу одинъ изъ дворцовъ. Я не могу и не хочу оставаться въ замкѣ. Здѣсь слишкомъ много тяжелыхъ воспоминаній, а затѣмъ,—прибавила она,—замокъ королевскій и долженъ весь принадлежать королю.

По странному теченію мыслей король шведскій вдругъ вспомнилъ о фаворитѣ покойнаго брата, его совѣтникѣ, графѣ Магнусѣ, и прибавилъ:

— Магнусъ требуетъ 100,000 злотыхъ, которыя онъ одолжилъ Рѣчи Посполитой, и онъ до тѣхъ поръ не дастъ намъ покоя, пока мы не удовлетворимъ его.

Королева усмѣхнулась и сказала:

— Какъ и я,—вѣдь и мнѣ должна Рѣчь Посполитая.

Янъ Казиміръ замѣтилъ, что затронулъ струну, которой не долженъ былъ задѣвать, закусилъ губы, и не умѣя иначе выйти изъ неловкаго положенія, обратился къ ксендзу. Вопросъ, какой онъ ему задалъ, касался завтрашней службы въ одномъ изъ городскихъ костеловъ. Ксендзъ де-Флери и вмѣстѣ съ нимъ королева отвѣчали, что она именно собирается на эту торжественную службу. Всѣ предметы, казалось, были исчерпаны. Янъ Казиміръ однако сидѣлъ еще.

— Братъ мой, Карлъ, навѣщалъ ваше величество?—спросилъ онъ.

— Разъ только былъ у меня, когда я вернулась сюда,—холодно отвѣчала королева.—Я не вижусь съ нимъ.

— Ваше королевское величество,—сказалъ, немного подумавъ Янъ Казиміръ,—вы могли бы избавить его отъ многихъ пустыхъ заботъ и надеждъ, стараній и расходовъ, отсвѣтывая ему домогательство короны. Я ему нисколько не завидую

и не мѣшалъ бы ему въ томъ, но я вынужденъ. Меня тянутъ. Его увлекаютъ льстецы, жаль мнѣ его. Быть можетъ, изъ устъ вашего королевскаго величества...

Марія Людовика сдѣлала быстрое нетерпѣливое движеніе.

— Государь, сказала она,—прошу васъ, оставьте меня совершенно въ сторонѣ, я ни во что не хочу вмѣшиваться, не могу и не должна. Свѣжая рана отнимаетъ у меня всякое желаніе принимать участіе въ этой жизни, я желала бы какъ можно лучше пристроить французскихъ монахинь и обезпечить ихъ, чтобы со временемъ самой найти у нихъ убѣжище; впрочемъ, со смертью мужа, дѣла государства мнѣ совершенно чужды.

— Но ваше королевское величество, — забывшись, сказалъ Янъ Казиміръ, — вы можете черезъ Францію, на которую имѣете большое вліяніе, оказать сильную поддержку тому, кому бы захотѣли.

— Франція будетъ поступать сообразно своей политикѣ и интересамъ, — сухо сказала Марія Людовика, — а я именно желаю отказаться отъ всякаго участія въ ея политикѣ.

Король, нахмурившись, замолчалъ.

— Ваше королевское величество, — прибавилъ онъ черезъ минуту, — надѣюсь, можете перемѣнить свое мнѣніе.

Королева покачала головой и ничего не сказала. Король медленно всталъ и Марія тоже поднялась съ гресла. Наступило очень холодное прощаніе, послѣ котораго, проводивъ гостя нѣсколько шаговъ, къ дверямъ, королева вернулась въ свою комнату. Ксендзъ велъ короля далѣе.

— Она страдаетъ? — спросилъ его король.

— Какъ вы сами изволили видѣть, — отвѣчалъ ксендзъ. — Положеніе ея грустное, будущее темно. Самый видъ страны и извѣстія, которыя приходятъ каждый день, нисколько не успокоительны. Единственное ея утѣшеніе — молитва.

Янъ Казиміръ съ жаромъ прервалъ его:

— И мое также! Но будемъ надѣяться и уповать на Бога.

Говоря это, онъ склонился, какъ бы желая поцѣловать руку прелата, который скромно отступилъ и простился съ нимъ глубокимъ поклономъ.

Въ передней двое дворянъ ожидали короля. Тутъ какъ бы

по мановенію волшебнаго жезла, угрюмое лицо Яна Казимира прояснилось.

— Бутлеръ ждетъ ваше величество. — сказалъ одинъ.

Быстрыми шагами поспѣшилъ король шведскій въ свои покои. Это было то самое помѣщеніе, какое онъ занималъ передъ отъѣздомъ въ Римъ и которое король потребовалъ послѣ своего возвращенія, для чего пришлось выжить оттуда графа Магнуса.

Но теперь, когда шведская корона покоилась на его челѣ, когда онъ былъ кандидатомъ на вторую, — эти скромные апартаменты казались ему несносными. Онъ домогался роскошнаго, величественнаго дворца на Краковскомъ предмѣстьѣ, протівъ чего также рѣшительно протестовалъ князь Карлъ.

Въ завѣщаніи короля Владислава не было точнаго указанія на то, какъ должны были подѣлиться дворцами братья. Янъ Казимиръ долженъ былъ ждать, пока при помощи какихъ-нибудь посредниковъ не состоится соглашеніе.

Въ передней два карлика — Баба и Люипъ — полякъ и нѣмецъ, двѣ обезьяны на цѣпи, пестрый попугай въ клѣткѣ, первые встрѣтили его. Жаркій споръ, вѣчно ссорящихся и дерущихся другъ съ другомъ карликовъ, заставилъ короля ударить Бабу по плечу и приказать молчать.

Въ комнатахъ ждалъ староста Бутлеръ, изъ всѣхъ друзей, которыхъ король избиралъ и бросалъ очень легко, самый для него пріятный и долѣе всего пользовавшійся его милостью. Бутлеръ имѣлъ внѣшность придворнаго, иностранный костюмъ и ту гибкость движеній и послушное выраженіе лица, которыя позволяли ему согласоваться съ настроеніемъ и мыслями господина. Никто лучше его не зналъ Яна Казимира, который много разъ дѣлалъ Бутлера своимъ повѣреннымъ и бросалъ его, но всегда, соскучившись, возвращался къ нему. Это былъ единственный человѣкъ, передъ которымъ онъ могъ признаться во всѣхъ своихъ слабостяхъ, не опасаясь ни насмѣшекъ, ни предательства. Бутлеръ ни разу не вынесъ сору изъ избы, а много разъ предупреждалъ и предотвращалъ послѣдствія неосторожности короля. Съ видимой радостью поздоровался съ нимъ Янъ Казимиръ, ведя за собой въ свои апартаменты. Въ нихъ отражался весь характеръ человѣка. Не было здѣсь той роскоши, того артистическаго блеска, которому Владиславъ при-

давалъ такое значеніе. Непостоянство мысли, измѣнчивость вкуса, ясно отражались въ томъ, что окружало короля. Рядомъ съ множествомъ картинъ и образовъ, видны были портреты женщинъ, и вмѣстѣ съ религіозными, духовными книгами—самые легкіе, игривые французскіе романы. Не было ни порядка, ни изящества въ комнатахъ, довольно роскошно убранныхъ, но безъ всякаго вкуса. Собаки, обезьяны и карлики всюду оставляли слѣды своихъ шалостей. Въ спальнѣ, передъ большимъ образомъ, взятымъ изъ костела въ Червенскѣ, представляющимъ Божию Матерь съ младенцемъ Іисусомъ, горѣла лампада, и король, подойдя сначала сюда, всталъ на колѣни для краткой молитвы, но сейчасъ-же поднялся и, заперевъ двери, сѣлъ въ сосѣдней комнатѣ, обращаясь къ Бутлеру:

— Я возвращаюсь отъ королевы! Сфинксъ для меня эта женщина. Покрытая глубокимъ трауромъ, неутѣшная въ горѣ по мужъ, который никогда ея не любилъ, а она его не терпѣла,—да, но она была королева, правила, такъ хорошо правила и самимъ королемъ, что подъ конецъ его жизни ни одна должность не была дана безъ ея вѣдома, и каждую нужно было оплатить. Я увѣренъ, что она имѣетъ огромныя суммы.

Бутлеръ быстро подтвердилъ это.

— Но хочетъ, какъ она сама говоритъ,—продолжалъ Казимиръ,—посвятить все на благочестивыя дѣла и даетъ понять, что сама удалится въ одинъ изъ основанныхъ ей монастырей. Думали, что Карлъ... чего, впрочемъ, быть не можетъ...

— Не можетъ!—повторилъ Бутлеръ.

— Если бы его избрали, готовъ былъ бы на ней жениться,—докончилъ король.

— Онъ ненавидитъ женщинъ,—прервалъ староста.

— Да, все это утверждаютъ,—пробормоталъ Янъ Казимиръ,—но какъ это возможно? Это совсѣмъ не въ природѣ вещей.—Онъ вздохнулъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разсмѣялся.

— Что касается до меня, —сказалъ онъ,—то, странное дѣло, я въ каждой дѣвушкѣ вижу что-то возбуждающее. У одной—лицо, глаза, у другой—станъ, ножки, улыбки, бюстъ. Онѣ созданы для того, чтобы вводить насъ въ искушеніе.

Бутлеръ поддакивалъ, смѣясь.

— Изъ всехъ тѣхъ, кого я здѣсь встрѣчаю и вижу, —

говоришь онъ, чувствуя потребность излиться передъ другомъ, — знаешь, Бутлеръ, только двѣ особенно меня привлекаютъ: это та... та французенка Дюре... ну, и...

Тутъ онъ понизилъ голосъ, оглянулся и прошепталъ:

— И предводительша. — Онъ приложилъ руку къ губамъ и поцѣловалъ ее. — Но мудрецъ будетъ тотъ, кто достанетъ что-нибудь изъ двора королевы! Эта старая и увядшая уже Ланжеронъ точно драконъ стоитъ на стражѣ. Говорили, что королева собиралась выдать ее замужъ, но теперь все отложилось.

Помолчавъ немного, король задумчиво обратился къ Бутлеру.

— Ну какъ же твои хлопоты насчетъ денегъ?

— Ничего еще не могу сказать навѣрное, — отвѣчалъ любитель, — но что-бы тамъ ни было, а мы должны ихъ достать.

— Карлъ съ ума сошелъ, — говорилъ далѣе Казимиръ, — швыряетъ ими. Онъ! онъ! до сихъ поръ былъ такъ скупъ! И откуда это пришли ему въ голову эти дикія фантазіи — добиваться короны наперекоръ мнѣ?

— Не знаю, — возразилъ Бутлеръ, — быть можетъ, именно изъ зависти.

— Онъ! король! — поводя плечами, говорилъ далѣе Казимиръ. — Смѣшно подумать объ этомъ.

Бутлеръ разсмѣялся.

— Что-же ты слышалъ? Имѣетъ онъ какія-нибудь надежды? Опасенъ онъ? — спросилъ король?

— Государь, — началъ староста, — во время выборовъ каждый претендентъ страшенъ. У него нѣтъ за собой людей, но они могутъ родиться какъ грибы послѣ дождя въ полѣ. Конечно, онъ будетъ намъ помѣхой.

— Поэтому-то я и не уступлю, — проворчалъ Казимиръ, — и дорого это можетъ ему обойтись. Онъ никого слушать не хочетъ.

— Метовецкую шляхту, которую онъ давно поитъ и кормитъ, и родныхъ выборныхъ, которые послѣдили сюда на выборы, — говорилъ Бутлеръ, — его дворяне Высоцкій, Чирскій и другіе привлекли на свою сторону ѣдой и питьемъ. Они разослали ихъ по уѣздамъ. Почему знать? Когда дѣло дойдетъ до голосованія, — выскочить одинъ, гаркнетъ и всѣхъ потянетъ за собой.

— Что-же тутъ дѣлать?—проворчалъ Казиміръ.

Бутлеръ, немного задумавшись, прошелся по комнатѣ.

— Государь, когда съѣдутся сенаторы, то развѣ только черезъ нихъ можно будетъ что-нибудь предпринять, чтобы онѣ опомнились.

— Сколько онѣ выложилъ?—озабоченно шепталъ король.— Вѣдь поговариваютъ уже о милліонѣ. Неужели придется вернуть ему все это?

— А если бы даже и такъ!—прервалъ староста.—Бояться нечего. Король можетъ вытребовать въ свое распоряженіе два и ими заткнуть глотки.

— Ты мужъ хорошаго совѣта,—весело улынулся Янъ Казиміръ и по-пріятельски ударилъ его по плечу.

Болѣе серьезный разговоръ уже томилъ его легкомысленный умъ. Онѣ зналъ только двѣ вещи: молиться или смѣяться,

— Эй! Бутлеръ, слышишь ты, всевѣдущій, — вскричалъ онѣ.—Тебѣ уже говорили о томъ, что Гижанка выходитъ замужъ за шляхтича. Знаешь, та хорошенькая Гижанка, дочка бурмистра, за которой всѣ такъ гонялись. Покойникъ Владиславъ очень за нею ухаживалъ, онѣ, видно, хотѣлъ подражать Сигизмунду Августу, который первый соблазнилъ Гижанку, но некому было помочь ему. Пацъ и Платенбергъ обманывали его, а деньги — прятали въ карманъ, и онѣ не получилъ Гижанки.

— Ну, и у и-и-и Ланжеронъ,—ввернулъ Бутлеръ, который видѣлъ, какъ она мѣшала Казиміру,—тоже навѣрное имѣется какой-нибудь шляхтичъ вздыхатель.

— Что ты говоришь?—вскричалъ король.—Я бы самъ съ удовольствіемъ отплясалъ гавоть на ея свадьбѣ.

— Ба!—отозвался Бутлеръ,—её замѣнитъ Дезессаръ или другая!

— Это правда,—грустно подтвердилъ Казиміръ. — Дворъ королевы—это второй монастырь. За малѣйшую провинность высылаютъ во Францію, а у нея такіе хорошіе шпионы.

— Королева! — подхватилъ Бутлеръ, приближаясь къ сидящему королю: — Королева! А я какъ разъ хотѣлъ о ней поговорить. Ваше королевское величество должны непременно постараться привлечь ее на свою сторону. Она можетъ себѣ го-

ворить, что ни во что не вѣшивается, но у нея много сношеній, людей, и она такъ умѣетъ ворочать ими, что безъ нея, а, сохрани Богъ,—противъ нея мы ничего не подѣлаемъ, тогда какъ съ ней намъ было бы въ тысячу разъ лучше.

— Ба!—задумчиво произнесъ Казиміръ,—ты думаешь, что я ничего не знаю объ этомъ? Женщина умная и ловкая, при жизни покойника она никогда не добивалась того, чтобы казаться сильной; напротивъ, на видъ она казалась очень покорной, а на самомъ дѣлѣ она всѣмъ заправляла, дѣлала, что хотѣла, и безъ нея король не рѣшался сдѣлать шагу.

— Да,—тихо прибавилъ Бутлеръ,—умъ умомъ, да и то, что у нея одной всегда были деньги.

— И теперь у нея есть, хоть она и основываетъ монастырь,—прибавилъ король.

— И развѣ она не могла бы помочь намъ ими?—спросилъ любимецъ.

— Немыслимо просить ее объ этомъ!—вздыхнулъ Янъ Казиміръ.—Если она мнѣ и одолжить, то во что бы то ни стало захочетъ и мной управлять. Я ее просто боюсь! — повторилъ онъ, понижая голосъ.

— А если она приметъ сторону князя Карла?—вставилъ Бутлеръ.

— Этого быть не можетъ,—сказалъ Казиміръ.

— Ваше королевское величество думаете,—замѣтилъ любимецъ,—что она можетъ остаться, какъ говорила, равнодушной, держаться въ сторонѣ, ни во что не вѣшиваясь!—Бутлеръ разсмѣялся.—Это просто невозможно, если бы даже она и желала того. Она принуждена будетъ подать голосъ; по ея лицу угадають, на чьей сторонѣ лежитъ ея симпатія.

— Но она никогда ко мнѣ ея не чувствовала,—проворчалъ король.

— Потому что прежде не могла имѣть въ этомъ никакого интереса, а теперь...

— А теперь?—подхватилъ Казиміръ, бросая робкій взглядъ на Бутлера,—что же ты думаешь?

— Сдѣлавшись королемъ, вы можете взять подъ свое покровительство и основаніе монастыря, и все, что интересуется королеву, а королева, въ свою очередь, теперь...

— А я тебѣ говорю, Бутлеръ,—живо прервалъ король,— что я боюсь,—она меня завоюетъ. Это женщина ловкая, смѣлая и умная.

— Именно потому-то мы въ ней и нуждаемся,—докончилъ Бутлеръ.—Однимъ словомъ, скажу: если князь Карлъ привлечетъ ее на свою сторону, то всѣ сенаторы, вмѣстѣ взятые, намъ не помогутъ.

— На моей сторонѣ Оссолинскій,—быстро вставилъ король,—я нисколько не сомнѣваюсь въ Казановскомъ.

— Который теперь не имѣетъ никакого значенія,—прервалъ Бутлеръ.

Казимиръ опустилъ голову на грудь. Нѣкоторое время продолжалось молчаніе, а староста слѣдилъ за хорошо ему знакомыми чертами лица короля, который нисколько не маскировалъ предъ нимъ своихъ впечатлѣній.

Совѣтъ, который ему далъ Бутлеръ, должно быть, засѣлъ въ его головѣ, такъ какъ черезъ минуту онъ поднялъ глаза и шепталъ:

— Говорю тебѣ, Бутлеръ,—я ее боюсь. Стоитъ только сваясь съ ней тоненькой ниточкой, какъ она потянетъ меня и стану слѣпымъ орудіемъ въ ея рукахъ. Владиславъ былъ умнѣе меня, однако, она все-таки швырила имъ какъ хотѣла.

— Я настаиваю на своемъ,—прибавилъ староста:—или наше величество будете имѣть ее на своей сторонѣ, тогда наша взяла, или противъ себя, и тогда я ни за что не ручаюсь. Но, чтобы Марія Людовика осталась со сложенными руками...— Бутлеръ сильно покачалъ головой. Разговоръ кончился.

III.

На другое утро, послѣ обѣдни у Св. Яна, лишь только король шведскій вернулся домой, кислый и нахмуренный, такъ какъ ему донесли, что братъ его Карлъ имѣлъ письма изъ Стокгольма и надѣялся на помощь оттуда,—какъ онъ услышалъ громкій споръ въ передней и ясный, легко распознаваемый женскій голосъ, пискливый, дерзкій, очень хорошо ему знакомый. Должно быть, онъ не произвелъ на него пріятнаго

впечатлѣнія, такъ какъ онъ сейчасъ-же хлопнулъ въ ладоши и, когда появился пажъ, быстро спросилъ его:

— Это Бертони?

Пажъ подтвердилъ, кивнувъ головой.

— Скажи-же ей, — съ нетерпѣніемъ вскричалъ король, — разъ навсегда, что я ее въ это время принять не могу. Пусть вечеромъ придетъ съ письмомъ. Этого еще не доставало, чтобы ее увидали у меня! Прогнать ее, прогнать.

— Точно это не такъ легко! — проворчалъ пажъ. — Такой гвалтъ подыметъ, что во всемъ замкѣ слышно будетъ.

Не желая слушать дальнѣйшихъ объясненій, король собственноручно вытолкалъ пажа за двери и захлопнулъ ихъ за нимъ, но самъ остановился на порогѣ, прислушиваясь, будетъ-ли исполнено его приказаніе.

По выходѣ пажа, сначала поднялись крики и брань, сопровождаемые смѣхомъ прислуги, затѣмъ постепенно все стало утихать, двери передней съ трескомъ захлопнулись и... король выглянулъ: въ передней уже не было надоедливой женщины, которую онъ велѣлъ выгнать.

Кто была эта Бертони?

Ее знали почти всѣ, которые знали дворъ въ прежніе годы. Теперь ей было уже, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 50, но когда королевичи подростали, панна Соломея, дочь музыканта королевской капеллы, была очень веселымъ и бойкимъ подросткомъ, а такъ какъ Янъ Казиміръ всегда съ самыхъ раннихъ лѣтъ чувствовалъ сильное влеченіе къ женщинамъ, то Соломея, хотя и вовсе не красивая, но свѣжая, смѣлая, бойкая и кокетка, вскружила ему голову и воспользовалась этимъ, чтобы совершенно завладѣть имъ. Объ этой интригѣ съ Салюсей зналъ весь дворъ; старались ее то разорвать, то скрыть, пока, наконецъ, всѣ перестали обращать вниманіе. Это была первая любовь королевича, который имѣлъ потомъ такихъ интрижекъ безъ счету, но Салюся не дала ни прогнать себя, ни совершенно забыть; она чувствовала, что имѣла нѣкоторыя права и не уступала ихъ. Потомъ она вышла замужъ за итальянца, кларнетиста въ королевской капеллѣ, и овдовѣла, воспитывая дочку. Правда, она не могла сопровождать Яна Казимира ни въ путешествіяхъ, ни въ заключеніи, но никогда не спускала

его съ глазъ и каждый разъ, когда онъ возвращался, этотъ грѣхъ молодости снова вставалъ передъ нимъ, какъ живой, и никакая человѣческая сила не могла его отогнать.

Надо было знать итальянку, чтобы понять, съ какою силою она вездѣ втиралась и умѣла удержаться. Она не боялась никого и ничего, языкъ у нея былъ такой, что всѣ ея боялись. Воспитанная при дворѣ, она знала и видѣла всѣ тайны, всѣ слабыя стороны, умѣла воспользоваться кѣмъ хотѣла. Дерзость ея не имѣла границъ тамъ, гдѣ она знала, что одно ея присутствіе будетъ мѣшать—она шла нарочно, чтобы заставить заплатить себя за свое удаленіе. Съ Яна Казимира, какъ говорили, она сумѣла собрать порядочно, кое-что досталось ей послѣ мужа; затѣмъ она торговала дамскими нарядами и драгоценностями, и, наконецъ, дошла до того, что имѣла прекрасный каменный домъ въ Рынкѣ Стараго города, и, кромѣ того, ее уважали, какъ богатую особу, въ чемъ, впрочемъ, она не сознавалась. Это не помѣшало ей въ каждый пріѣздъ Яна Казимира выпрашивать у него новыя подачки для дочки. Въ этой подроставшей дочкѣ, красивой дѣвочкѣ, которую она объявляла восьмымъ чудомъ свѣта, жила теперь вся мать. Ради этого ребенка она значительно остепенилась, такъ какъ прежде вела жизнь очень свободную и веселую. О своихъ 50 годахъ Бертони до сихъ поръ знать не хотѣла и становилась смѣшной своими костюмами, въ которые она наряжалась въ полной увѣренности, что помолодѣетъ отъ нихъ. Худое, съ темнымъ цвѣтомъ кожи лицо ея сильно уже поморщилось, но морщины эти были расположены такъ, что она казалась еще молодой; только глаза у нея были еще прекрасны и горѣли. Все остальное — чрезвычайно широкій, съ выдающимися губами ротъ, отвислыя щеки, рѣдкіе и крашеные волосы, также выкрашенные брови, губы, щеки, дѣлали ее часто до гадливости противной и безобразной, въ особенности, когда она горячилась. Тогда она совершенно забывалась и не умѣла скрыть остатки желтыхъ зубовъ, а морщины безжалостно бороздили ея лицо. На ея худой шеѣ, кожа, жилы, кости — все тогда выступало, выдавалось, какъ на анатомическомъ препаратѣ. Но Соломея упрямо хотѣла казаться красивой и не старой. Поэтому она роскошно и пестро наряжалась, а главное осы-

да себя драгоценностями, любуясь ими, какъ каждая итальянка. Всѣ ея худыя, съ распухшими суставами, руки были с самаго утра покрыты кольцами, шея—шнурками жемчуга и коралловъ. Пряжки на груди, дорогой пажъ, даже чулки и перчатки она надѣвала каждый день шитые золотомъ. Рядомъ этой роскошью отталкивающимъ образомъ дѣйствовало то обстоятельство, что она часто по нѣсколькимъ днямъ не мылась, а лицо и шея бывали покрыты старыми и свѣжими прыщами. Когда она проходила по улицѣ, на нее показывали пальцами,—до того она была смѣшна; но въ зеркалѣ она такъ радовалась съ этимъ своимъ лицомъ, что находила его милымъ и улыбалась мужчинамъ (когда не было дочери) съ цинизмомъ, который вызывалъ румянецъ на ихъ лицахъ.

Дочь ея, по имени Біанка, имѣла итальянскій типъ, какъ и мать, но дѣйствительно была красива, хотя отчасти какъ и мать напоминала ее. Облагороженные, правильныя черты лица, притомъ миловидность и свѣжесть молодости дѣлали дѣвушку с хитительной. Мать воспитывала ее съ чрезвычайнымъ стараниемъ, съ малыхъ лѣтъ учила музыкѣ, танцамъ, языкамъ, какъ какъ предвидѣла для нея блестящую будущность.

— Сенатору не сдѣлаетъ стыда,—говорила она,—ни лицомъ, ни головой. Другой такой не покажетъ мнѣ ни Варшава, ни Краковъ. Если Гижанка можетъ выходить замужъ за шляхтича, то что-же говорить о моей? А безъ приданого тоже не станется, потому что и домъ кое-что стоитъ и подъ подушку найду что засунуть.

Между тѣмъ, зная по собственному опыту, какъ легко въ молодости вскружить голову, она берегла ребенка, какъ зѣницу ока. Рѣдко даже позволяла выходить въ городъ и то не иначе, какъ съ ней самой. Уходя изъ дому, Бертони оставляла на стражѣ цербера — старую итальянку. Та, изъ опасенія потерять мѣсто, ни на шагъ не отходила отъ прекрасной Біанки, дава о красотѣ которой широко уже разошлась.

По возвращеніи эксъ-кардинала изъ Рима, королевичъ былъ еще въ Тарчинѣ, когда Бертони пріѣхала туда навѣстить его. Чужень-ли была ему пріятна эта гостья — сказать трудно, но онъ долженъ былъ принять ее, и Соломея оставалась тамъ целый день, высыпая огромный запасъ сплетенъ, которыя

привезла съ собой. Она ожидала навѣрное большаго отъ извѣстнаго королевича, чѣмъ онъ могъ и хотѣлъ для нея сдѣлать, такъ какъ она вовсе не осталась имъ довольна. Напрасно, говорятъ, оправдывался Янъ Казиміръ, что у него ничего нѣтъ, что долженъ былъ даже отнять у князя Карла Денгожа, Бутлера, розданныя имъ королемъ имѣнія: Соломе слышать ничего не хотѣла и упрекала его. Какія права предъ являла она на его благодарность — она не объясняла, но, по ея убѣжденію, Янъ Казиміръ долженъ былъ всю свою жизнь служить ей и ея дочкѣ. Отношенія ихъ, хотя и прерванныя до смерти Владислава IV, были довольно натянуты. Янъ Казиміръ часто приказывалъ запираеть передъ ней двери и не допускать ее, хотя она поднимала невыносимый шумъ въ коридорахъ.

Когда сначала умеръ королевичъ Сигизмундъ, а затѣмъ и Владиславъ, Бертони съ неслыханнымъ нахальствомъ началъ приставать къ королю шведскому, который всѣми силами старался отъ нея избавиться. Наконецъ, однако, онъ долженъ былъ уступить: онъ приказалъ ее впустить, такъ какъ разсчиталъ, что и такая Бертони могла повредить или помочь ему, когда дѣло дойдетъ до выборовъ.

Въ этотъ же день вечеромъ, несмотря на отвращеніе боязнь, онъ приказалъ впустить несносную бабу, и пока онъ будетъ — никого не принимать, кромѣ Бутлера, которому всегдѣ можно было входить.

Въ назначенный часъ не замедлила явиться Бертони. Она влетѣла, какъ бомба, разодѣтая и разряженная ужаснымъ образомъ, вся блестящая отъ драгоценностей, безпокойная и задыхающаяся. Пажъ указалъ ей на дверь.

Янъ Казиміръ уже съ безпокойствомъ прохаживался, ожидая ее. Зналъ онъ хорошо, что его ожидаетъ, такъ какъ Бертони вовсе не уважала въ немъ ни крови, ни сана. Она знала его съ дѣтства.

— Ага! — начала она на порогѣ чрезвычайно быстро по-итальянски, такъ какъ знала отвращеніе короля къ польскому языку: — ага! наконецъ-то Салюся добилась чести привѣтствовать ваше королевское величество! Долго ждала она этого.

Король хотѣлъ начать оправдываться: она закрыла ему ро-

— Оставь, оставь! Развѣ мы не знаемъ другъ друга!

Она сдѣлала передъ нимъ низкій реверансъ.

— Уже король шведскій? Неправда-ли?—начала она, смѣясь. — Ну, этой короны я для вашей милости не опасаясь, но я слышу, что вы добираетесь и до польской? Монахомъ вы не могли быть, кардиналомъ не захотѣли, а тутъ вдругъ потянулись за короной? Вы думаете, ее легче будетъ таскать, чѣмъ пурпурную мантию? Государь мой, у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ, когда я узнала объ этомъ. И зачѣмъ это вамъ? Знаете-ли вы, что творится? Вы покупаете домъ, который стоитъ въ пламени, не имѣя ни капли воды, чтобы погасить пожаръ. Бойтесь Бога!—Она заломала руки.

— Не я...—нерѣшительно началъ король.

— Я знаю, что вы скажете,—прервала Бергони,—что васъ на колѣняхъ будутъ просить объ этомъ! Навѣрное!? Рады бы сбросить вамъ на плечи это бремя, блестящее, позолоченное, но не для васъ это, не для васъ. Пустите князя Карла, раздѣлите окончательно наслѣдство, постройте себѣ царскій дворецъ, въ которомъ нашлось бы помѣщеніе и для Бергони, съ ангельчикомъ, проводить весело и свободно остатокъ жизни. Но вамъ! вамъ—быть королемъ!.. Годъ, два съ грѣхомъ пополамъ вы еще выдержите, но потомъ!.. такъ же сложите корону, какъ пурпурную мантию и кардинальскую шапочку.

Янъ Казиміръ бросился даже въ другой уголъ комнаты, какъ бы желая убѣжать отъ нея; она погналась за нимъ.

— Не сердитесь,—вскричала она,—я говорю вамъ это отъ добраго сердца, вамъ корона ни на что не пригодится, вы измучитесь.—Она ударила себя въ сухую грудь, смѣло смотря огненными глазами на все болѣе и болѣе смущеннаго короля.

Янъ Казиміръ собирался что-то отвѣтить, когда итальянка не выдержала и распустила языкъ.

— Хотите, я вамъ предскажу будущее? Это очень легко: васъ изберутъ, потому что знаютъ, что будутъ дѣлать съ вами что захотятъ,—они и королева.

— Какая королева?—прервалъ Янъ Казиміръ.

— Сегодня вдова, а завтра, быть можетъ,—кто знаетъ?—она разсмѣялась.—Безъ ея денегъ и безъ ея ума вы не обойдетесь—прибавила она.

— Она ни о чемъ знать ничего не хочетъ, — замѣтилъ король.

— Она ждетъ, чтобы вы ее упрасивали, разумѣется, — сказала Бертони. — Эхъ, жаль мнѣ васъ, государь мой, жаль мнѣ васъ! Пустите князя Карла, если ему это пріятно улыбнется. Вы не на то созданы, а могли бы себѣ такъ спокойно, такъ отлично вести жизнь! Но что тутъ понапрасну говорить: вѣдь не поможетъ. Вамъ суждено всего попробовать, чтобы все вамъ опротивѣло.

Нѣсколько успокоившись, король задумчиво выслушалъ этотъ потокъ словъ, отеръ лобъ и сѣмь. Бертони встала передъ нимъ.

— Итакъ, это уже неизбѣжно! — и она вздохнула.

Янъ Казиміръ помолчалъ съ минуту.

— Сегодня съ тобой говорить нельзя, — пробормоталъ онъ. Лицо итальянки искривилось какъ бы отъ жалости.

— Какъ же мнѣ было сказать иначе, — прервала она смятая голосъ. — Боже мой, вѣдь лично за себя я должна-бы радоваться, если васъ изберутъ королемъ. Вѣдь и на мою долю кое-что перепало-бы тогда.

Янъ Казиміръ, желая перемѣнить непріятный разговоръ съ принужденной улыбкой прошепталъ:

— Что-бы тебѣ хотѣ Біанку-то съ собой привести!

Бертони затряслась отъ гнѣва.

— Еще чего? — воскликнула она. — Развѣ я не знаю, что у тебя, стараго волокиты, все еще самыя молоденькія дѣвушки на умѣ. Вѣдь это моя дочь, ты долженъ бы ее уважать.

— Говорятъ, она очень хороша! — проговорилъ король.

— Какъ ангелъ! — прервала мать съ жаромъ. — Но этотъ сенаторскій кусокъ и я не выдамъ ея иначе, какъ за сенатора.

Янъ Казиміръ смѣялся, развеселенный тѣмъ, что сердилъ Бертони.

— Гижанка идетъ-же вѣдь за шляхтича и чиновника какого-то тамъ старосту; отчего-жъ бы моя не могла хватить еще выше? Я воспитала ее такъ, что тутъ ни одна важная барыня съ ней не сравняется.

Король задумался и, казалось уже не слышалъ ея; д

гія мысли тѣснились въ его головѣ. Черезъ минуту онъ разсѣянно прошепталъ:

— Попроси королеву, чтобы она приняла ее къ своему двору. Она держитъ своихъ фрейлинъ въ большой строгости, а научится она тамъ можетъ многому.

— Да, научиться тому, чего не надо, — прервала Бертони, качая головой. — Нѣтъ, нѣтъ, я ее ни на шагъ не отпущу отъ себя. Итальянка съ безцеремонностью старой знакомой начала прохаживаться по комнатѣ.

— Что это за карлики? — спросила она, — я ихъ не знаю... Обезьяны тоже, кажется, не тѣ.

— Все у меня поумирало, — вздохнулъ король. — Представь себѣ, Зносекъ, котораго я такъ любилъ, который такъ ловко кувыркался и пѣлъ, помнишь?... умеръ бѣдняжка... Микрошъ тоже. У меня теперь два. Одного подарилъ мнѣ Любомірскій, онъ называется Бабой — щеки у него такія надутыя, но болѣзненный, плакса и грустный, — а Люипа я получилъ изъ Германіи, такой злючка, что постоянно дерется съ обезьянами или съ Бабой. Толку въ нихъ мало. Послѣ смерти короля остались два карлика, да королева навѣрное присвоить ихъ себѣ, — грустно закончилъ король это признаніе. Бертони повела плечами.

— Дворъ мой вообще, — сказалъ онъ черезъ минуту, — малъ и не полонъ. Возвратившись, я долженъ былъ брать первыхъ попавшихся, да къ тому же и денегъ нѣтъ. Съ Карломъ — мученье изъ-за Живца, а теперь еще на выборы столько надо...

Онъ развелъ руками. Бертони ежилась и снова начала бѣгать по комнатѣ хватая все, что попадало ей подъ руку — книжки, картинки, четки, даже бумаги, о позволеніи читать которыя она даже и не спрашивала. Съ навязчивымъ женскимъ любопытствомъ она шарила по угламъ, заглядывала вездѣ и хотя король обнаруживалъ нѣкоторые признаки нетерпѣнія, ее это нисколько не стѣняло.

— Мнѣ здѣсь тѣсно, — сказалъ онъ. — Я хотѣлъ бы переехать во дворецъ на Краковскомъ предмѣстьи; Карлъ меня не пускаетъ; въ Уздовѣ — слишкомъ далеко.

— И зачѣмъ все это? Вѣдь во время выборовъ вамъ не дадутъ здѣсь сидѣть, — прервала Бертони: — а послѣ нихъ вы поселитесь въ замкѣ.

— Королева займетъ половину!—проворчалъ Янъ Казимиръ.

— Вы съ ней сойдетесь,—засмѣялась итальянка, приближаясь къ сидящему.—Мнѣ кажется, что когда вамъ возложатъ на голову корону, сенаторы сосватаютъ вамъ королеву.

Янъ Казимиръ вскочилъ со своего мѣста.

— Да я ея не хочу!—вскричалъ онъ.—Мало развѣ напѣли нашему отцу, что онъ бралъ сестру за сестрой, а что же было бы, если бы я пожелалъ жениться на женѣ своего родного брата? Вотъ отхлестали бы меня Содомомъ и Гоморрой!

— А попы на что?—проговорила Бертони.

—Я не хочу ея!—рѣшительно повторилъ король.

Въ эту минуту часы, стоящіе на столѣ, начали играть: они были такъ искусственно устроены, что когда должны были бить, на башенкѣ появлялись трубачи и раздавался очень благозвучный маршъ.

—У тебя есть ко мнѣ какое нибудь дѣло?—спросилъ король.

—Было бы даже очень много,—отвѣтила итальянка,—потому что вѣдь не годится, чтобы ты совсѣмъ забывалъ обо мнѣ и моемъ ребенкѣ, но я жалѣю короля безъ королевства. Потомъ расчитаемся. Вижу, что мнѣ не удастся отсовѣтовать добиваться этой второй короны; но что потомъ ты самъ ее сложишь—даю тебѣ голову!

Ничего не отвѣчалъ король. Бертони низко поклонилась и собиралась уже уходить, когда что-то пришло ей въ голову.

— Мой король, — воскликнула она, — не приказывайте же передо мною, какъ передъ какой нибудь нищей, запираť двери. И я могу вамъ пригодиться, потому что я многое знаю. Ты вотъ собираешься быть королемъ и тебѣ этого хочется: я и должна послужить, а не кто другой!

Такимъ образомъ, король наконецъ избавился отъ нея.

Въ грустномъ настроеніи, пройдясь нѣсколько разъ попустымъ комнатамъ, Янъ Казимиръ бросилъ взоръ на теплящуюся передъ чудотворной иконой лампаду и медленными шагами приблизился къ ней, чтобы пасть на колѣни. Однако, возня между карликами и обезьянами еще продолжалась въ передней, такъ что онъ долженъ былъ сначала, призвавъ пажа, приказать, чтобы сейчасъ все стихло. Онъ собирался уже встать на колѣни, когда быстрые шаги и безъ доклада открывающіяся двери заставили его встать.

Бутлеръ, котораго онъ ожидалъ, и молодой Тизенгаузъ вбѣжали виѣсть съ искаженными лицами.

Поблѣднѣль Янъ Казиміръ, увидавъ ихъ.

— Государь, — кричалъ съ порога староста, — вѣсти одна другой ужаснѣе приходятъ изъ Львова, Замостья...отовсюду... Въ городѣ смятеніе... Войска наши разсѣяны, шляхта въ постыдномъ бѣгствѣ. Хмѣль грозитъ идти на Краковъ... держать въ заключеніи вашихъ пословъ, а трехъ приказалъ обезглавить... О мирѣ и переговорахъ и слышать не хочетъ.

Король сначала закрылъ себѣ глаза, потомъ всплеснулъ руками.

— На колѣни прежде всего! — воскликнулъ онъ, — на колѣни!.. Прочтемъ литанію Божіей Матери. Будемъ просить ея покровительства. И онъ первый упалъ передъ иконою и почти со стономъ началъ по латыни литанію, на которую отвѣчали Бутлеръ и Тизенгаузъ; потомъ цѣловалъ землю и всталъ съ глазами, полными слезъ.

— Говорите, сказалъ онъ, падая въ кресло.

— Пораженіе—это было бы еще ничего, — началъ староста, — но позоръ... Шляхта, безъ боя прогнанная съ поля однимъ только ужасомъ передъ хлопамъ, разбѣжалась; а такъ какъ они шли въ этотъ походъ съ большимъ обозомъ и набрали воевъ, утвари, серебра, драгоценностей безъ мѣры, то все это стало добычей казаковъ и черни... Плѣнниковъ отдають татарамъ—человѣка за лошадь. Чернь разбушевалась и не знаетъ мѣры. Хмѣль сталъ подъ Замостью.... Львовъ какимъ-то чудомъ выкупился отъ него... Что будетъ дальше?.. Грозятъ занять всю Рѣчь Посполитую...

Король вскричалъ.

— Такъ гдѣ же наши силы? Гдѣ мужи, сенатъ, войско!... Вѣдь одинъ такой погромъ не можетъ сразу уничтожить могучее государство? Есть спасеніе... Быть можетъ, у насъ есть гдѣ нибудь союзники и сторонники.

Бутлеръ прервалъ:

— Кто, государь? На царя теперь навѣрное нечего рассчитывать, Франція за горами, хотя бы и хотѣла, Пруссія скорѣе воспользуется нашимъ бѣдствіемъ, а шведы...

Король схватился за голову.

— О! горькая судьба этой страны, — воскликнулъ онъ. — Мы

доведены до такой крайности, что только и можемъ еще немного расчитывать на подлыхъ татаръ, если сумѣемъ перетянуть ихъ отъ казаковъ.

— Такой постыдный союзникъ хуже врага, — грустно сказалъ Бутлеръ.

Когда они говорили это и Тизенгаузъ началъ повторять только что услышанныя вѣсти о пораженіяхъ, постучали въ дверь. Тизенгаузъ побѣжалъ и доложилъ о кзендѣ де Флери капелланѣ королевы. Онъ вошелъ блѣдный и испуганный.

— Правда это? — началъ онъ, обращаясь къ королю. — Королевѣ донесли, что даже Кракову и Варшавѣ грозитъ опасность. Госпожа моя испугалась и присылаетъ меня къ вашему королевскому величеству.

Бутлеръ выступилъ, прежде чѣмъ король собрался отвѣчать.

— Успокойте королеву, сказалъ онъ, — Варшавѣ, по крайней мѣрѣ, ничто не угрожаетъ. Сенаторы и шляхта соберутся на выборы. Непріятель не дерзнетъ идти на столицу, зная, что здѣсь значительная сила. Пораженіе должно быть ужасное, потому что со всѣхъ сторонъ оно подтверждается, но въ такихъ случаяхъ кто-же не знаетъ, что страхъ все увеличиваетъ, — у страха глаза велики. Не пошелъ же Хмѣль на Львовъ; какъ-же онъ могъ-бы грозить Кракову или Варшавѣ?

Король тоже подошелъ къ де-Флери.

— Успокойте королеву, — сказалъ онъ.

— Еслибы дѣйствительно грозила хотя бы малѣйшая опасность. королева хотѣла бы со всѣмъ своимъ дворомъ и монахинями отправиться по водѣ въ Гданскъ, гдѣ она можетъ быть совершенно спокойна, — сказалъ духовникъ.

— Сохрани Богъ, чтобы мы дошли уже до такой крайности, — прервалъ Казиміръ.

Немного подождавъ, духовникъ удалился къ Маріи Людвиговнѣ, но во всемъ замкѣ въ эту ночь не было почти ни минуты покоя. Въ заѣзжемъ домѣ князя Карла надъ Вислой, несмотря на слякоть и скверную погоду, постоянно мѣняясь, наплывали новыя толпы и каждый приносилъ съ собой все болѣе и болѣе страшныя вѣсти. То, что рассказывали о жестокостяхъ и дерзости казаковъ и соединенной съ ними черни, превосходило всякое понятіе. На шляхту, бѣжавшую изъ подъ Шилавецъ, метали громы и молніи.

— Прежде такимъ посылали прялку и заячью шкурку, — кричали нѣкоторые, — и трусы сами вѣшались потомъ со стыда, потому что женщины знать ихъ не хотѣли и не принимали ихъ въ домъ, а теперь имъ не хватило бы зайцевъ и прялокъ...

— Хорошо намъ тутъ судить и ридить издали, — говорили другіе — но разъ поднимется переполохъ — надо быть тамъ на мѣстѣ и видѣть, что человѣкъ, какъ бы онъ того ни желалъ, не устоитъ противъ теченія.

— Послѣдній часъ нашъ насталъ, — охали въ испугъ. — Намъ ничего не остается, какъ только откупиться отъ казаковъ заключить миръ и работать надъ тѣмъ, чтобы набрать новое и лучшее войско.

— Первое дѣло, чтобы тетманы и паны не ссорились другъ съ другомъ, — совѣтовали третьи. — Все пошло изъ-за того, что не слушали Іеремію: онъ вѣдь у нихъ соль въ глазу и его одного боится казаки.

Въ этомъ шумѣ и гамѣ ничего нельзя было разобрать, ни до чего нельзя было добраться; всѣ только преклинали и упрекали и чѣмъ больше пили, тѣмъ больше отчаяніе овладѣвало всѣми...

Не лучше было и въ городѣ, куда приносили вѣсти изъ замка, увеличивая ихъ по дорогѣ. Прибывали также и сенаторы изъ разныхъ сторонъ, опережая срокъ выборовъ, въ большомъ безпокойствѣ, но и они не приносили съ собой ничего утѣшительнаго. Толпились вокругъ Оссолинскаго; привѣтствовали королеву, нѣкоторые посѣщали Казимира, очень немногіе приходили къ князю Карлу, которому теперь трудно было завязывать сношенія, давно уже прѣрванныя.

Всѣ въ одинъ голосъ, согласно требовали, чтобы поспѣшили съ выборами, которые являлись необходимымъ условіемъ для заключенія какихъ нибудь договоровъ съ казаками.

Въ особенности число сенаторовъ увеличивалось съ каждымъ днемъ и росло, а духовные, тѣмъ временемъ собирались у прибывшихъ епископовъ, въ монастыряхъ іезуитовъ, бернардиновъ и реформатовъ, на ежедневныя совѣщанія. Духовенство заранѣе предвидѣло, что диссиденты съ одной стороны, а Русины униаты — съ другой, не замедлятъ воспользоваться пораженіемъ и ослабленіемъ государства. Раздавались уже голоса, что Хмѣль домогается уничтоженія Братской Уніи и хочетъ посадить въ

Сенатъ своего митрополита. Между сенаторами, какъ Адамъ Бисель и другіе греки, не присоединившими къ униі, раздавались голоса: «Отчего-же намъ не добиться тѣхъ правъ, какія получили диссиденты и католики, если мы будемъ вѣрно служить государству?»

Хотя съ виду не принимающая никакого участія въ дѣлахъ государства королева никогда ни съ кѣмъ не заводила о нихъ рѣчи, ввѣряя только себя и свое сиротство опека Рѣчи Посполитой—всѣ чувствовали что она могла произвести большое вліяніе на самые выборы. За ея указаніемъ несомнѣнно долженъ-бы былъ идти французскій дворъ и апостольская столица. Не было тайной, что по смерти короля—гонимы, послы и письма безпрестанно шли во Францію и даже изъ среды тѣхъ людей, которые были самыми нужными королевѣ, многіе по ея приказанію отправились во Францію.

Несмотря на это, Марія Людовика казалась на видъ совершенно спокойной не выдала себя ни однимъ словомъ. Такъ какъ князь Карлъ бывалъ здѣсь рѣдкимъ гостемъ, то и чаще стучащему въ двери шведскому королю не всегда ихъ открывали. Королева остерегалась выказать къ нему особенное расположеніе. Янъ Казиміръ зналъ черезъ своихъ обо всемъ, что дѣлалось у королевѣ и что было доступно взорамъ двора; безпокоился, дѣлалъ заключенія... тревожился. Въ особенности безпокоило его то, что всѣ сенаторы оказывали Маріи Людовикѣ такое большое уваженіе и тѣснились къ ней. Самые вѣрные изъ нихъ просяживали тамъ по цѣлымъ часамъ на бесѣдѣ, а иногда, какъ-бы случайно, сходились вѣдь по-двое и по-трое.

— Очевидно, здѣсь происходятъ *consilia*,—говорилъ король Бутлеру;—но ничто изъ нихъ не выходитъ наружу, а, когда мнѣ удастся попасть къ королевѣ, тоже ничего не могу узнать отъ нея. Она отдѣляется отъ меня тѣмъ, что ни во что не хочетъ вмѣшиваться.

— Государь,—говорилъ староста:—*clara posta*—самое лучшее: нужно, чтобы ваше величество откровенно съ ней разговаривалось.

— Я это разъ начиналъ, но она всегда отдѣляется тѣмъ, что ни о чемъ не думаетъ, кромѣ обезпеченія своей собственной участи. Если Карлъ какими-нибудь обѣщаніями сумѣетъ

перетянуть ее на свою сторону, и она пожелает тайно помогать ему, то его деньги, ея вліяніе обезпечать ему корону, а мнѣ останется только стыдъ и напрасныя хлопоты.

На другой день послѣ этого совѣщанія, Бутлеръ, въ тотъ часъ, когда для всѣхъ были открыты покой князя Карла отправился въ его дворецъ.

Его нельзя было считать отдѣльнымъ строеніемъ, такъ какъ онъ тѣсно примыкалъ къ замку и къ стѣнѣ, идущей къ Вислѣ. Самъ епископъ вроцлавскій выстроилъ ее на свой счетъ, а такъ какъ онъ вообще былъ бережливъ, то не видно было ни малѣйшей роскоши, ни галлерей, ни статуй, ни картинъ, которыми отличались тогдашніе дворцы Казановскихъ и Оссолинскихъ. Только чистота и порядокъ придавали зданію барскій видъ.

Бутлеръ, хотя и зналъ князя Карла, но никогда у него не бывалъ. На этотъ разъ посѣщеніе пришлось въ такое время, когда, заставъ много гостей, староста не могъ даже приблизиться къ епископу. Однако по взгляду, которымъ онъ его окинулъ, Бутлеръ догадался, что появленіе его было понятно.

Разговоръ шелъ, конечно, о страшныхъ вѣстяхъ, тревожившихъ всю страну. Нѣсколько разъ среди этого разговора князь Карлъ упоминалъ о солдатахъ, которыхъ онъ уже выставилъ для защиты отечества, и о томъ, что онъ собирался выставить еще больше. Съ большой ловкостью ведя разговоръ, епископъ наконецъ приблизился къ Бутлеру и шепнулъ ему, что онъ, вѣрно, пришелъ не безъ какого-нибудь порученія.

— Порученія у меня никакого нѣтъ, — сказалъ староста, — но ваша свѣтлость знаете, что я слуга короля шведскаго и всѣмъ сердцемъ преданъ ему; поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что я пришелъ сюда, чтобы убѣдиться: дѣйствительно-ли ваша свѣтлость упорствуете въ своемъ намѣреніи добиваться короны?...

— Это дѣло всѣмъ извѣстное, — холодно и коротко отвѣчалъ князь Карлъ. — Я знаю, что трудно мнѣ будетъ побѣдить соперника въ лицѣ короля шведскаго, но на моей сторонѣ часть сенаторовъ. — Онъ замолчалъ.

— Грустное это будетъ соперничество, — прибавилъ Бутлеръ.

— Казиміръ долженъ это сказать себѣ, — прервалъ хозяинъ. — Я долго колебался; люди увлекали меня тѣмъ, что изъ-за его

непостоянства они не могутъ разсчитывать на Казимира. Я позволилъ себя склонить... и не отступлю...

— Король шведскій тоже, разъ ужъ позволилъ записать себя въ число кандидатовъ, не испугается никого.

Неразговорчивый епископъ, казалось, даже не желалъ продолжать разговора. Онъ стоялъ, какъ бы ожидая, не скажетъ ли ему Бутлеръ чего-нибудь еще.

— Если король хотѣлъ черезъ васъ, — прибавилъ послѣ тщетнаго ожиданія епископъ, — узнать о томъ, колеблюсь-ли я, то можете его увѣрить, что во всемъ, что я дѣлаю, я всегда долго думаю, прежде чѣмъ рѣшу что-нибудь, а избравъ путь, твердо держусь его.

— Ваша свѣтлость позвольте мнѣ однако сказать, что въ этомъ случаѣ примѣшиваются нѣкоторыя особенныя обстоятельства, — осмѣлился сказать Бутлеръ послѣ нѣкотораго раздумья. — У насъ никогда еще не бывало примѣра, чтобы родные братья соперничали изъ-за короны. Во время мира и удачи это было бы еще ничего, хотя споръ въ семьѣ всегда достоинъ сожалѣнія; но сегодня, когда грозитъ такое несчастіе, когда непріятель разрываетъ внутренности, когда прежде всего необходимо согласіе и единодушіе...

Епископъ слегка повелъ плечами.

— Осмѣлюсь прибавить еще, — правда то не грѣхъ сказать, — прибавилъ Бутлеръ, — что ваша свѣтлость никогда, не разу даже и не отвѣдали рыцарскаго ремесла, а намъ надо гетмана и вождя.

Епископъ, котораго всѣ знали за человѣка вспыльчиваго, съ гнѣвомъ воскликнулъ:

— Господинъ староста! Вѣрьте мнѣ, что и я тоже сумѣю сѣсть на коня, а шведскій король пока не показалъ себя великимъ богатыремъ. — Сказавъ это, князь Карлъ, только кивнулъ Бутлеру головой и быстро отошелъ отъ него.

Старостѣ уже нечего было здѣсь дѣлать и онъ медленно повернулъ къ дверямъ, оставляя епископа съ горстью его сторонниковъ, которая по большей части складывалась ихъ людей мало извѣстныхъ и не имѣющихъ никакого вліянія въ странѣ.

— Государь, — сказалъ онъ еще на порогѣ, входя въ покои Казимира, — нечего разсчитывать на то, чтобы епископъ разду-

малъ и уступилъ... Я разговаривалъ съ нимъ: онъ упрямо стоитъ на своемъ.

— А коли такъ: война! — проговорилъ король. — Больно мнѣ это, но такъ было съ дѣтства: насколько я любилъ Александра — дай ему Богъ вѣчный покой, — настолько Карлъ всегда былъ мнѣ врагомъ.

IV.

Одинъ изъ мужей сильнаго вліянія и значенія, которыми можетъ гордиться царствованіе Сигизмунда III и двухъ его преемниковъ, былъ Станиславъ Альбрехтъ Радзивиллъ, который уже при Владиславѣ IV и саномъ своимъ, и положеніемъ занималъ первое мѣсто среди народа и сената. Всматриваясь въ составъ тогдашняго общества, легко замѣтить въ верхнихъ слояхъ его двѣ совершенно различныя стихіи, изъ которыхъ оно складывалось. Уже съ Казимира Ягеллона, а можетъ быть еще и раньше, шляхетско-панскій свѣтъ польскій дѣлился на эти два лагерь, если ихъ можно такъ назвать.

Одинъ изъ нихъ обязанъ былъ своимъ воспитаніемъ и образованіемъ родной странѣ — и носилъ на себѣ отпечатокъ традицій прошлаго; другой, послѣ начальной подготовки дома, заканчивалъ образованіе и воспитаніе свое за границей. Дополненіемъ его служили путешествія, пребываніе при дворахъ иностранныхъ государей, знакомство съ языками и нравами Европы. Всѣ знатнѣйшіе роды отправляли своихъ дѣтей въ Италію, Францію, Германію, къ царскому двору — и изъ этихъ питомцевъ Запада складывался по большей части сенатъ и люди, стоящіе у трона.

Многіе изъ этихъ космополитно-образованныхъ пановъ носили чужеземный костюмъ и отпечатокъ иностраннаго вліянія, не слишкомъ привязываясь къ обычаямъ старины, но, вообще, путешествія и опытность не лишали потомковъ великихъ родовъ ихъ значенія въ Польшѣ. Съ возвращеніемъ на родину, домашній очагъ, польскія матроны его стерегущія, атмосфера, пропитанная традиціями — все, что окружало юношу, въ особен-